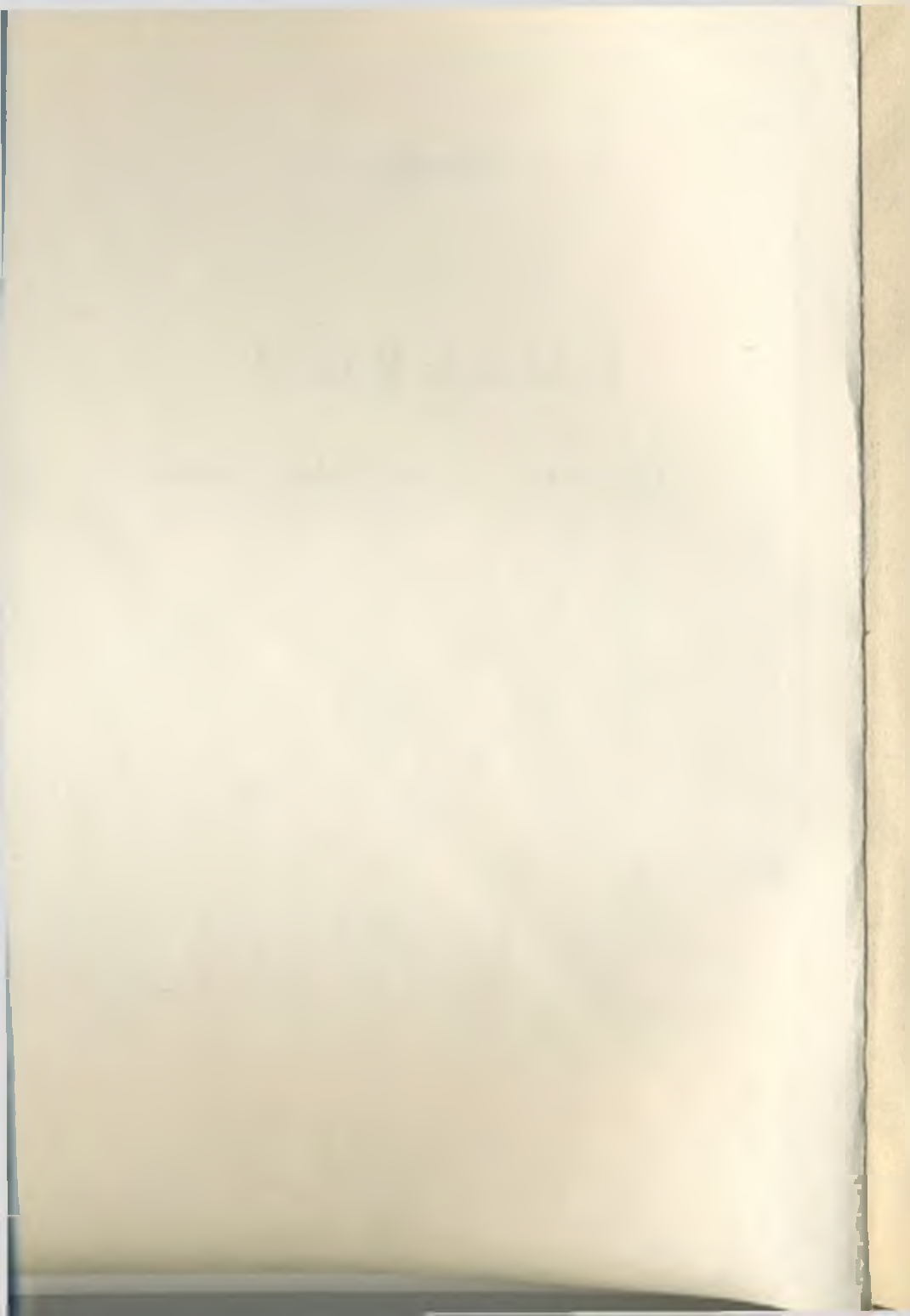

С.Р. Изидинова

ПОЛОВЦЫ

Мифы и исторические реалии

Севастопольское отделение
Координационного центра по возрождению
крымскотатарской культуры

С.Р. Изидинова

П О Л О В Ц Ы

Мифы и исторические реалии

Севастополь

1995

*Светлой памяти
профессора С.О. Изидинова
посвящается*

Изидинова Севиле Рифатовна к.ф.н.,
зав. отделом тюрко-язычных народов Крымского отделения
Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАНУ.

© С.Р. Изидинова
© СО "ЭКОСИ-Гидрофизик"

*"Народ умирает, когда стано-
вится населением. А населением
он становится тогда, когда за-
бывает свою историю".*

Ф. Абрамов

*"Часто ненависть... к другому на-
роду уже считается проявлением
любви к народу своему".*

Т.Г. Масарик

*"Как жизнь начинается с колы-
бели, так и история начинается
с его далеких предков".*

*Народная мудрость
крымских татар.*

Без малого два века они жили в непосредственной близости, в соседстве с Древней Русью, обитали на огромной территории от Прикарпатия до Дуная, и часто даже среди русских, вернее предков современных русских и украинцев. С дружинами русских они участвовали в княжеских междоусобицах, в помощь русским князьям ходили с ними на Польшу, Венгрию, Волжскую Булгарию, выдавали за них своих дочерей. Русских призывали к единодушному отпору, познав надвигающуюся опасность, с русскими встали против движущихся на запад полчищ монголов с подвластными им племенами и — разбитые бежали. Они снова возникли на исторической арене Восточной Европы под новым именем кыпчаки, которые в последующие века стали одним из

предков крымских, казанских, астраханских татар, а также казахов и узбеков. Это — половцы согласно средневековым русским летописям. Они же команы по европейским источникам. Им посвящены исторические романы, изданные в России и Европе, с ними встречаешься и на сцене оперных театров, о них говорится во всех учебниках и изданиях по истории России, они — предмет многочисленных исторических трудов, о них говорится в произведениях европейских и восточных средневековых авторов. Во всех русских изданиях, начиная с летописей, половцы — это "исчадие ада", непримиримые и злейшие враги Руси, алчные, коварные, жестокие и ... меднолицые и косоглазые...

Соответствует ли это действительности? Не результат ли это предвзятых представлений, концепций, когда не поняв или следуя за древнерусскими летописцами без должного анализа повествования и критического осмысления сообщаемой информации со стороны поздних редакторов летописей и российских историков, которые смотрели на соседей Великой Степи с точки зрения более поздних русско-тюркских отношений? Настало время пересмотра наших представлений о древних степных соседях Руси — половцах, пришедших в Северное Причерноморье и осевших в Крыму почти за два века до монголо-татарского вторжения в Восточную Европу. Попытаемся посмотреть на обитателей южнорусских степей того периода иными глазами, отбросив веками насаждавшуюся в сознании русских людей, особенно в послереволюционный период, стереотипы мышления, связанные с этнической и политической историей тюркских народов. Этого требует не только необходимость объективного освещения исторических событий, но и тот факт, что и в наши дни, в периодической печати

и других средствах массовой информации весьма часты рецидивы господствовавшей идеологии в исторической науке. Кроме того, вопрос о половцах теснейшим образом связан с тем, что в сознание народов бывшего СССР со школьной скамьи внедрялась мысль о приходе крымских татар на полуостров в период нашествия полчищ монголо-татар. С другой стороны, половцы — команы — кыпчаки сыграли огромную роль в этногенезе и формировании крымскотатарского народа и его языка, однако, как будет показано ниже, это не связано с "историческим фактом захвата Крыма кочевыми ордами монголо-татар".

Взаимоотношения Руси с половцами — уникальное явление в истории, нашедшее полное отражение в насыщенной фактическим материалом работе Л.Н. Гумилева "Древняя Русь и Великая Степь", в которой много оригинальных мыслей и суждений. Тем не менее целый ряд известных и новых сведений о половцах позволяет рассмотреть их с несколько иных позиций. Однако прежде, чем приступить к этому, кратко рассмотрим роль половцев в истории Крыма. Крым, расположенный на стыке сухопутных и морских торговых путей, связывавших Причерноморье со Средиземноморьем, Восточной Европой, (включая, естественно и Древнюю Русь) Ближним и Средним Востоком, лежащий на трансконтинентальном караванном Великом Шелковом пути в Персию, Среднюю Азию, Индию и Китай, с античных времен оказывался в сфере сложнейших и непрерывных этнических, миграционных, политических и экономических процессов. Удобное географическое положение Крымского полуострова, благоприятные климатические условия, наличие портовых городов и ремесленных центров с древнейших времен привлекали и способствовали оседанию

пришлых народов и племен. Крым был постоянной ареной борьбы за обладание им, и длинная цепь народностей, сменявших одна другую в течении громадного хронологического периода, и как правило, мирно уживавшихся в теснейшем соприкосновении, а зачастую растворявшихся в массе коренного населения, не могла не сказаться на многообразии этнических компонентов в историческом процессе этногенеза крымских татар, формировании их духовной и материальной культуры. Новый тюркоязычный этнос возникший на полуострове на многослагаемой этнической основе в результате растворения или ассимиляции длительно или менее продолжительно прибывавших в Крыму скифов, сарматов, греков, римлян, готов, гуннов, хазаро-булгар, печенегов, половцев, генуэзцев, турков, отличался от других этносов тюрко-мусульманского мира средневековья "особым своеобразием происхождения, быта, традиций", культурных, политических и экономических связей с соседними странами и регионами, что очевидно делает историко-археологическое и культурно-историческое прошлое Крымского полуострова "поистине неисчерпаемым".

Начиная с IV века н.э. почти все вторгшиеся в Северное Причерноморье и Крым народы и племена были тюркские и иранские народности, доминировавшие до раннего средневековья, уступили место тюркам, и вся последующая политическая и этническая история огромного региона от Карпат до Каспия была связана с ними. Более того, сейчас высказывается мнение, что в период господства скифов в Причерноморье в их государственное образование могли входить и тюркские племена, которые в определенных регионах составляли большинство. Это возможно в силу того, что с эпохи бронзы степные и лесостепные просторы Евразии

стали колыбелью кочевого скотоводства, и до появления на исторической арене гуннов, на этих просторах происходила смена этносов, народов, языков, бесчисленные войны, походы, миграции по степям отдельных племен, орд и союзов орд, возникновение и гибель могущественных государств-империй, и в последующем — каганатов. Интересно в этой связи указать на такой любопытный факт, как повествование о вторжении с севера народа под названием "туруки" (возможно, турки), зафиксированные на глиняных клинописных табличках позднеассирийского периода.

Итак, не останавливаясь на автохтонных киммерийцах и таврах, отметим, что еще в античное время на побережье Крымского полуострова были основаны греческие города-колонии. Обитавших в Крыму скифов и сарматов, в племенные объединения которых входили и другие этносы (возможно, как было сказано выше, и тюркские племена), в IV веке н.э. сменили готы, пришедшие с нижнего течения Вислы. По уходу основной массы готов из Северного Причерноморья на запад (вестготы) часть их утвердилась в степной полосе полуострова (остготы). Позднее под натиском гунно-булгарских племен они были оттеснены в горные и прибрежные районы Крыма, а часть их ушла в Приазовье. Пространство между Судакком и Балаклавой вплоть до начала XVI века в исторических источниках называлось "Готией", готско-греческое население которого долго сохраняло национальные особенности и позднее было ассимилировано тюркским населением. Былое существование готов в Крыму нашло отражение в лексике, главным образом в топонимике и антропонимике (селение "Уснут" — остгот, часть села "Юхари Гадфрит", село Кёрбек — Гёрвег(ен), Гот-

Амет и др.). Во второй половине IV века в Причерноморские степи приходят тюркоязычные гунны, главная масса которых прошла на запад — Дунай, Балканы, а часть заняла степи полуострова. Гуннам и готам пришлось впоследствии столкнуться с новыми кочевыми племенами — сначала аварами, а затем с тюрками первого Тюркского каганата, в период возвышения которого — вторая половина VI века, тюрки захватывают Боспор Киммерийский. С конца VI века начинается усиление могущества хазар — также тюрков, и уже с начала VII века они распространяют свое влияние в сторону Азовского моря и Крыма, овладевают территорией Боспорского царства и на Боспоре появляется уже "тудун" — наместник хазарского кагана. Даже после исчезновения хазар с исторической арены они оставили память о себе в названии полуострова "Газария", как официально назывался Крым в генуэзских документах XII-XV веков.

В конце IX века половцы-кыпчаки (этноним одного из крупнейших половецких племен), которые были прямыми потомками кыпчаков, входивших в Кимакский каганат, двигаясь на запад из Заволжских степей (регион Нижней Волги) и Приуралья, столкнулись с печенегами, племенные общины которых между Уралом и Волгой обитали с конца VII-VIII века, и последние были разгромлены. Половцы были в своей массе, как и недолго проживавшие до них печенеги в Крыму, кочевниками и по происхождению они имели определенную степень родства ("печенег" восходит к тюркскому "баджанак" — свояк). Длительное нахождение в бассейне Волги в непосредственном соседстве с Волжской Булгарией, принявшей ислам в X веке, в Приазовье и Северном Кавказе, где мусульманская религия пустила корни со времени Хазарского

каганата, способствовали распространению ислама среди значительной, если не основной части половцев, пришедших в Крым в XI веке. Первое время по приходу в Крым половцы продолжали кочевать по всей степной и равнинной части полуострова и при этом совершали набеги на подвластные Византии земли и города. В 1096 г. половцы заняли Херсонес, через который осуществлялись политические половецко-византийские связи, хотя столицей крымских половцев был Судак, бывший резиденцией наместника — "тудуна" со времен хазаров (VII век). В борьбе с Византией и отчасти с Русью они добились больших успехов: с одной стороны русские ни разу за весь XI век не смогли вторгнуться вглубь владений Крымских половцев, а с другой — Византии пришлось на горьком опыте убедиться, что с ними выгоднее жить в мире, так как в противном случае половцы могли воспрепятствовать сношениям со Средиземноморьем, Малой Азией, Востоком и Севером — с Русью, через Русь — с Балтикой, а через Киев и Галич — с Западной Европой.

Половцы успешно пребывали в Крыму значительно дольше печенегов — до монголо-татарского вторжения в первой четверти XIII века. Исход определенной части половцев из Крыма начался после битвы на Калке, но многие, особенно купцы, ремесленники и земледельцы, смешавшись с местным населением, остались. Впоследствии их постигла участь многих племен, приходивших и заселявших Крым в древности — они окончательно слились с местным населением, оставив по себе память в чертах лица крымских татар. Переход на оседлый образ жизни и занятие земледелием был сопряжен для вновь обращенных земледельцев освоением самых урожайных злаковых культур, самых совершенных

для того времени орудий труда, с разведением садов, виноградников, бахчей. Сочетание эффективного земледелия с отработанными веками навыками скотоводческого хозяйства привело к очень высокому уровню экономического развития осевших степняков. На этой базе стремительное развитие получают ремесла: гончарное, кузнечное, ткачество, скорняжество, ювелирное, обработка камня, строительное и др. Рождается новая духовная и материальная культура, всегда, как правило, синкретическая, поскольку она складывается из взаимообогащения и слияния прежней культуры кочевых и полuosедлых степняков с культурой коренного населения Крымского полуострова, где они осели, при мощном воздействии всех соседних стран, с которыми Крым имел активные разнообразные связи. Этому в значительной степени способствовала традиционная для Крыма с древнейших времен особенность межэтнических и социально-экономических отношений — это легкость, с которой пришельцы могли входить в общественную жизнь полуострова, не знавшего серьезных конфликтов на почве различий в вере, языке или крови в условиях расцвета поликультурных городов-портов и крупных ремесленных центров, которые не только индуцировали, но и закрепляли неизбежные контакты двух "чуждых, но тянувшихся друг к другу миров — Великой Степи и Моря".

Начавшийся экономический подъем и расцвет новой культуры, оказавшие большое влияние на регион Причерноморья и близлежащие страны, установление товарообмена на территории полуострова впервые вызвали потребность в едином языке общения. Им стал, естественно, половецкий, так как он как диалект тюркского был достаточно распространен и более того, уже был

языком весьма немногочисленной, но обладавшей административными полномочиями духовной и светской власти в "Крымской юрте". На рубеже XIII-XIV вв. кыпчакский язык начинает становиться языком общения на всем полуострове и постепенно на нем стало говорить коренное население Крыма — потомки скифов, греков, готов, гуннов, хазар и др. Следовательно, нельзя приписывать ордынцам решающую роль в распространении тюркского языка и мусульманской религии на полуострове, поскольку они, сравнительно малочисленные, лишь в определенной мере катализировали основную фазу этногенеза крымскотатарского народа, которая относительно медленнее шла и до прихода ордынцев. Подобный феномен, как отмечает В.Е. Возгрин, является не уникальным, хотя и не частый в истории — аналогичный процесс наблюдался в Латинской Америке после конкисты. Индейское население, говорившее на десятках языках и диалектах, с отличающимися верованиями, приняло от завоевателей испанский и португальский языки и католическую веру, однако называть в силу этого мексиканцев, колумбийцев, бразильцев, перуанцев, пуэрто-риканцев и др. испанцами и португальцами столь же неправильно, как крымских татар — потомками монголо-татар периода Золотой Орды.

От половцев в Крыму, кроме некоторых черт лица крымских татар, остались примечательные памятники материальной культуры. В степной части, особенно в северо-западных районах, до сих пор находят полускрытых земель, а то и под пахотным слоем так называемых "половецких баб" ("балбалы") — массивные каменные изваяния, к которым мы еще вернемся. Это великолепный жанр искусства, причем, как правило, строго индивидуального.

Древние мастера сильно стилизовали свои творения, они компоновали их по общему образцу, но при этом умели достичь, невзирая на каноны, определенного портретного сходства, сохраняя благородную простоту и ясность старого половецкого типа. Еще один след от наших далеких предков, оказавшийся, к великому сожалению менее долговечным, чем статуи. До депортации в 1944 г. в Крыму имелись села — "кой" с топонимическим компонентом "кыпчак", а также с формантом, относящиеся к родо-племенным названиям кыпчаков-половцев. Ныне это села и населенные пункты с такими взятыми бог весть откуда, без какой-либо исторической связи названиями, как Громово, Рыбацкое, Самсоновка, Холмовка, Штурмовое, Крепкое, Пионерское, Голубинка, Красный мак, Доброе и т.д.

Любопытно, что изменение в этническом составе полуострова отражается в официальных документах Москвы XV-XVI вв., где народ ханства, как правило, именуется "крымцами", однако после ухудшения отношений между Иваном III и Менгли-Гиреем их стали называть "крымскими татарами". При этом нужно подчеркнуть общезвестный факт: до присоединения Крыма к России степное население ханства в русских и западноевропейских документах продолжали называть "крымские татары", а горцев и южнобережцев, независимо от их языка, по устоявшейся многовековой традиции — "греками". В период ханства несколько большее воздействие, чем турецкий элемент на побережье, в основном на язык, на население северо-восточных районов степного Крыма оказали ногайцы-кочевники, начавшие проникать сюда в XV-XVII вв. и расселившиеся в окрестностях Джанкоя и Крымского побережья Азовского моря, где усилилась монголоидность в фи-

зическом типе населения. Именно эти особенности, характерные для существенной части степных крымских татар, наиболее часто отмечались в сообщениях авторов XVI-XVIII вв. как присущие всем крымским татарам. Естественно, на основании подобных, абсолютно недостаточных, скажем поверхностных, свидетельств большинство позднейших исследователей этнической истории Крыма невольно или с умыслом делали совершенно неверные заключения о происхождении крымских татар, поскольку представления об определенной, притом небольшой, части степных крымцев-тюрков они распространили на весь народ. Позднее пришедшие в Крым ногайцы растворились в преобладающей массе степного населения — прямых потомков половцев-кыпчаков. Это нашло отражение в том, что классики крымскотатарской литературы — поэты XVII века Ашпик Умер и Джанимухаммед называли себя и свой народ "кыпчаками". По воспоминаниям соотечественников преклонного возраста до войны и в первые послевоенные годы, уже будучи в местах ссылки, были часты случаи, когда некоторые выходцы из степных районов Крыма утверждали, что они не "ногаи", а "кыпчаки".

В среде крымских половцев в Солхате был создан в конце XII-начале XIII вв. первый памятник крымскотатарского языка — словарь-разговорник "Кодекс Куманикус", служивший пособием для обучения языку и общения западноевропейских купцов, в основном генуэзцев, с тюркоязычным населением полуострова и Северного Причерноморья, в котором нашли отражение диалектные особенности тюркского языка различных регионов Крыма. Вместе с тем, лексический состав словаря-разговорника поразительно близок к лексике среднего диалекта современного крым-

скотатарского языка, содержащего лексемы и фонемы других диалектов. Кстати сказать, создание "Кодекса Куманикуса" указывает на то, что в Крыму и за его пределами на трассе Великого шелкового пути и других торговых маршрутах именно половецкий являлся основным и главным языком общения, а не греческий, на котором совершались богослужение и литургии в православных храмах и скитах, не аланский (иранский), который был уже забыт потомками аланосарматского населения, и не италийанский, и не арабский — языки мировой торговли того времени. С другой стороны "Кодекс Куманикус" в определенной мере явился ускорителем процесса тюркизации нетюркского населения, в основном греческого, который в свою очередь, способствовал исламизации населения горного Крыма и Южного берега.

Т.И. Грунин отмечает, что "тюркский язык армян Каменец-Подольска (так называемый половецкий язык судебных актов общины армян, выходцев из Крыма), язык караимов, некоторые диалекты крымских татар являются непосредственным развитием половецкого языка". Согласно П. Мелиоранскому "крымские куманы говорили более чистым и единообразным языком, чем кыпчаки, выходцы с низовьев Волги, так как Золотая Орда состояла из смеси различных турецких (тюркских — С.И.) племен". Это обусловлено тем, что "основной массой тюркоязычного населения Крыма как до монгольского нашествия, так и после него были половцы, и лишь после монгольского нашествия туда пришли другие тюркские племена. Именно поэтому среди тюрко-язычного населения Крыма до последнего времени сохранились различные диалекты, некоторые из них очень близки к половецкому языку".

Завершая краткое рассмотрение крымских половцев отметим, что с конца XIII — начала XIV вв. центр тюркоязычной литературы перемещается в Крым и Египет. Город Солхат был не только одним из широко известных культурных и экономических центров Причерноморья, но как свидетельствует целый ряд средневековых авторов в XIII—XIV вв. он играл роль одного из центров тюрко-мусульманского мира. Арабские, персидские и тюрские историки сообщают о динамичном развитии культуры и литературы в Солхате, о интенсивных культурных контактах и торговых связях со Средней Азией, Поволжьем, Византией, сельджукской Малой Азией, мамлюкским Египтом, итальянскими причерноморскими городами. Они также сообщают о многих ученых, писателях, поэтах и богословах Крыма, которые писали с одинаковым мастерством на арабском, персидском, кыпчакском, итальянском и греческом языках. В мамлюкском Египте жили и творили тюркоязычные ученые, писатели и поэты из Крыма (Солхата).

Прежде чем перейти к изложению сведений о половцах в XI—XIII вв. в степях Причерноморья и, естественно, о их взаимоотношениях с Русью, следует остановиться на борьбе половцев, включая, конечно, и крымских, с надвигающимися полчищами монголо-татар, ибо до сих пор бытует ложное представление, что именно с их приходом связано появление в Крыму тюркского этноса "татар". В 1222 г. тридцатитысячное войско Джебз и Субудая начало продвижение из Закавказья на Северный Кавказ. Здесь их ожидали новые бои с аланами и кочевавшими ордами половцев. Как свидетельствует персидский историк Рашид-ад-Дин, половцы и аланы сообща сразились с монголами, но "никто

из них не остался победителем". "Когда половцы, полагаясь на договор, после сражения спокойно разошлись по своим областям", земля аланов подверглась нападению. Монголы "нагрянули внезапно, убивая всякого, кого находили". Пройдя Кавказ, монголы после битвы под Дербентом устремились в погоню за отступавшими кыпчаками. Некоторая их часть по более южной ветви Великого шелкового пути ринулась к Керченскому проливу, спеша укрыться в Крыму. Преследуя их, один из монгольских отрядов форсировал пролив, и в Крыму направился к Судаку, который давно назывался "городом кыпчаков" и считался даже "наибольшим из городов кыпчакских". В 1223 г. монголы заняли город. "В тот день пришли первые татары" — говорится в заметке на полях Синаксара (поминального календаря). Этническую принадлежность этих "татар" уточняет арабский историк Ибн аль-Асир: "... их царь Чингизхан ... в 1223 г. овладели городом Судак". Опустошив город, монголы ушли за пределы полуострова на соединение с основными силами, с которыми они затем приняли участие в битве на реке Калке. Именно с приходом монголов в Крым население полуострова впервые познакомилось с народом, носящим имя "монгол-татар". Вторжение монгольского отряда на Крымский полуостров произошло в тот период, когда здесь под влиянием многочисленных кыпчаков-половцев степной полосой активизировался процесс тюркизации населения горнолесной зоны — потомков тавро-скифов, сармато-алан, готов, греков и эллинизированных более ранних тюрков, легший в основу формирования ядра крымскотатарского народа. Вторично монголы появились в Крыму в 1239 г., после кратковременного пребывания отошли в степи Северного Причерноморья. В середине XIII в. степи Крыма и предгорные долины, населенные кыпчаками, были

включены в состав Золотой Орды, как ее улус. Во второй половине XIII века столицей Крымского улуса становится город Солхат.

После 30-летней (1222—1250 гг.) неудачной борьбы с монголами в Северном Причерноморье кыпчаки стекались в Крым к своим крымским соплеменникам. Посол французского короля Людовика IX Гильом де Рубрук, проезжавший к Батю в 1253 г. через Крым сообщал: "На этой равнине (степной Крым — С.И.) до прихода татар (монголов — С.И.) обычно жили команы и составляли упомянутые города (Херсонес, Согдайя и др. — С.И.) и замки платить дань. А когда пришли татары, команы, которые все бежали к берегу моря (чтобы отплыть в другие места и спастись от физического уничтожения — С.И.), вошли в эту землю (Крым) в таком огромном количестве ... с тех пор, как мы выехали из Солдайи (Судака) и вплоть до Сартака (доставки сына Батые — С.И.) два месяца ... мы не видели никакого селения и даже следа какого-нибудь строения, где было бы селение, кроме огромного количества могил команов".

Русские впервые встретились с завоевателями в 1223 г. на реке Калке, куда они пришли по призыву половцев им на помощь, однако феодальное войско русских князей потерпело сокрушительное поражение. Весной 1237 г. объединенное единым командованием войско нескольких монгольских улусов, возглавляемое 14-ю царевичами-потомками Чингисхана со своими ордами перешли Волгу и начали затяжную и далеко не легкую для них войну с половцами и другими тюркскими племенами. Война продолжалась все лето. Венгерский миссионер Юлиан, проезжавший близ Руси осенью того же года, застал еще в степях ордынское войско, отправленное Батием "к морю на всех команов". Упорное соп-

ротавление половцев, среди которых было небольшое число ала-нов, позволило Батю сосредоточить войска для похода на Запад — в Северо-Восточную Русь и регион Северного Причерноморья только лишь глубокой осенью. Хотя на Русь, разделенной на многие враждовавшие между собой княжества, знали о готовящемся нашествии, она не смогла объединиться и подготовиться к обороне, несмотря на многочисленные призывы половцев к совместным объединенным действиям. Тем не менее, даже в условиях, когда каждому княжеству из-за неведомой политики пришлось обороняться порознь, длительное сдерживание орд Батю половцами позволили княжествам как-то подготовиться к встрече с завоевателями. Естественно, заслуживает особого внимания героическая страница борьбы половцев с монголами, которая не только недостаточно, а можно сказать вовсе не освещена в исторической литературе. Речь идет о пребывании монгольских орд в половецких степях с лета 1238 г. до осени 1240 г. Такая длительная остановка полчищ совершенно необъяснима, если представлять ее как простой отдых, как неожиданная приостановка, прерыв вследствие каких-то тактических причин. Эта "неожиданность" становится понятной, если восстановить картину борьбы с пришельцами половцев причерноморских степей и Крыма. Все время пребывания Батю в этих степях заполнено непрерывными сражениями с половцами, подавлением восстаний половцев и других тюркских племен на завоеванных землях. Военные действия в Дешти-Кыпчак (Половецкой степи) начались с похода на Северный Кавказ, в земли черкесов (обобщенный этноним народов этого региона). Почти одновременно начались столкновения с половцами, еще кочевавшими между Доном и Днепром. Рашид ад-Дин сообщал: "... в год Собаки (1238 г.), осенью, Менгу каан и

Кадан поплы походом на черкесов и зимой убили государя тамошнего по имени Тукара, а ... "Берке отправился в поход на кыпчаков".

Война с половцами оказалась трудной и затяжной. Со стороны Батия это была истребительная война, заканчивавшаяся физическим уничтожением большей части прежнего населения половецких степей. Европейец Плано Карпини, проезжавший здесь в 40-х гг. XIII века, писал: "Мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежавших на земле, подобно навозу". Ему вторит отмечавшийся выше — монах (де) Рубрук (1253 г.), который не увидел в разоренной Комании ничего, "... кроме огромного количества могил команов". Даже само название "половцы-команы" осталось только в памяти соседних народов да в исторических сочинениях.

Последней крупной военной акцией Батия по отношению к половцам было вторжение в Крым в 1239 г. Сюда, к берегу моря вместе с частью причерноморских вернулись оставшиеся крымские половцы, следом за ними ворвались монголо-татары. В конце декабря конница Батия дошла до Судака, последнее отчаянное сопротивление крымских половцев было также жестоко подавлено.

Итак, в середине XI века в опустевших степях Северного Причерноморья появились половцы. Спустя почти 70 лет после официального принятия Киевской Русью православного христианства они впервые подошли к юго-восточным границам русских княжеств (1055 г.). С этого

времени началась сложная, насыщенная различными событиями история взаимоотношений двух народов, сведения о которой дошли до нас в русских летописях, византийских хрониках и сочинениях восточных и западных авторов. Степи опустели потому, что к этому времени прекратилось почти вековое господство печенегов в приднепровских степях. По сведениям летописи, к границам Руси они подошли в 915 г., их господство на степных просторах отражалось на торговле Византии, Крыма, южных и восточных стран с Европой и Русью, на отлаженных экономических связях большого региона. Недаром византийский император подчеркивал в своем сочинении, что Русь и соседние страны стараются быть в мире с печенегами, так как не могут ни свободно торговать, ни воевать, ни просто жить, если находиться во враждебных отношениях с этим народом. Только в 1036 г. были разбиты подошедшие к Киеву печенежские ополчения. Основная масса их откочевала к границам Византии, и там частично были уничтожены, а некоторые из орд были поселены в пограничных степях в качестве наемников (конфедератов), охранявших византийские рубежи. Часть оставшихся в причерноморских степях печенегов подкочевала к границам Руси — на берега реки Роси, и также, как их византийские собратья, перешли на пограничную службу, другие остались в степи, присоединившись к подошедшим гузам (торкам), и, в конечном счете, слились с ними. Этот процесс начался еще в заволжских степях, где часть печенегов находилась в непосредственном соседстве с гузами, подчинившись им. Об этом сохранился обстоятельный рассказ Ибн Фадлана, проезжавшего по Заволжью в начале X века.

Обратимся к летописному сообщению об очередном военном столкновении Руси с половцами в 1178 г. "Того же лета (6686 г. по летоисчислению того времени — от сотворения мира)... придоша иноплеменницы на Русскую землю, безбожнии измаильтяне, окаянные агаряне, нечистые исчадия делом и вравом сатониным, именем Кондак, злу начальник, правоведным христианам, паче всем церквам, идеже имя божье славится, сими же погаными хулится, то не реку единым крестьяном, но и самому Богу враги; то аще кто любит враги божья, то сами что примут от Бога?...". Читая и осмысливая слова потока проклятий монаха-летописца, люди наших дней, граждане бывшего СССР, воспринимают данную летописцем характеристику как нечто естественное, поскольку она полностью и адекватно соответствует сложившемуся стереотипу мышления, который в отношении истории тюркских народов формировался в течение веков, особенно интенсивно в советский период. Без тени сомнения, полностью доверяя летописцам, половцев традиционно воспринимают как "поганных", "безбожных", то есть язычниками и агрессорами, врагами христианства, а следовательно — русских. Возможно, для усиления проклятий, противореча себе, летописец называет половцев "безбожными измаильтянами", "окаянными агарянами", то есть сынами Измаяла и потомками его матери Агари, то есть мусульманами, вовсе не язычниками, чем свидетельствует свою некомпетентность в традиционной генеалогии пророков мусульманской конфессии. И тут возникает мысль — что и где же правда?

В настоящее время утвердилось достаточно определенное мнение, что в XI—XII вв. половцы так называемых южнорусских степей за исключением их крымских соплеменников, служа на-

дежным для грузин и славян шитом от экспансии Халифата с Востока, в основной своей массе не были мусульманами. А были ли они язычниками? Вот уже на протяжении почти восьми веков, абсолютно не задумываясь, мы, следуя монаху-летописцу и автору "Слова о полку Игореве", называли половцев "погаными", не зная, что несет в себе это определение — "язычники", не — христиане? В то же время в летописях нет хотя бы и намёка на религиозные представления половцев, что, конечно, является не случайным, ибо летописцы, как правило, сообщают о язычестве славян, других северных народов, несовместимых с христианством обычаях, об обрядах иудеев и мусульман, которые во второй половине X в. приходили обращать князя Владимира в свою веру. Более того, в летописях содержится информация даже о "черной вере" — шаманизме большей части монголов. Что касается религии народа, с которым Русь жила рядом на протяжении двух веков и даже, можно сказать, породнилась, то о ней нет никакой информации! Наряду с этим вызывает удивление и тот факт, что к иноверию народов монахи-летописцы относились достаточно спокойно, с безразличием даже в том случае, если те оказывались грозными врагами, как, например, печенги или позднее монголы. Тогда, что же вызывает такое возмущение летописцев и патетически гневные филиппики по адресу половцев, которые очень сходны с обличениями старообрядцев, раскольников, сектантов более позднего периода? Подобный настрой и озлобленность вызывают, как правило, не иноверцы, ибо они связаны с повсеместно известными мировыми конфессиями, а отступники и еретики. Выше приведенный каскад проклятий заставляет невольно задуматься — не были ли половцы христианами не православного, а другого толка, и тогда, согласно А. Никитину, летописцы не слу-

чайню не говорят о вере половцев и в то же время не дают информации об их язычестве.

Что может сказать современная наука, в первую очередь археология, о конфессиональной принадлежности? Такими известными археологами, как Г.А. Федоров-Давыдов, С.А. Плетнева, А.О. Добролюбский, М.И. Артамонов и рядом других в последние десятилетия проведены фундаментальные исследования археологических памятников кочевых и полукочевых народов средневековья на огромной территории степей Евразии. По мнению ученых до сих пор трудно из массы тюркских погребений — древнебулгарских, печенежских, торческих, ясских, половецких с высокой достоверностью дифференцировать и выделять представителей этих народов. Сложность обусловлена тем, что все они похожи и погребальном ритуале, украшениях, вооружении, одежде, как были сходны когда-то в образе жизни и, несомненно, в языке. Чисто кочевнические памятники (отдельные погребения, клады, могильники и остатки зимовищ) так широко разбросаны по степям Евразии, что говорить об их этнической принадлежности, о сохранении устойчивых этнографических признаков не всегда представляется возможным. При исследовании памятников, оставленных кочевниками всех стадий развития следует учитывать необычную для земледельческих народов "нивелировку" синхронных древностей, находящихся на отделенных одна от другой территориях. Причины этого явления кроются в подвижности кочевых населения и его способности покрывать большие расстояния, в сравнительном единообразии быта, традиционности приемов ведения войны, выработанных тысячелетиями, и, наконец, в характерном для всей эпохи средневековья единстве языка

(тюркских диалектов) на всей огромной степной территории от Дуная до Алтая. В то же время, то же единство экономики, формы хозяйствования, быта и культуры затрудняет соотнесение степных древностей по этническим группам, тем более, что исследуемые культуры могут относиться к культурам разноэтнических образований или союза племен.

Проблема заключается и в том, что этнонимы "печенеги", "торки", "черные клобуки", и половцы в этом смысле не исключение, обладая внешней конкретностью, сказываются в значительной мере обобщенными и несколько условными ориентирами в историческом пространственно-временном миграционном потоке народов, непрерывно двигавшихся через южнорусские и причерноморские степи и частично оседавших там. Так, находки половецких кладбищ в степях являются свидетельством появления у половцев и, возможно, у их степных соседей зимовищ. Находки поселений на Днепре, Дону, и в Крыму говорят о появлении оседлости и внутри половецкого общества. Возможно, что только половцы начали прикрепляться к земле, чему способствовали оживленные и постоянные сношения с Русью, о чем будет речь ниже, а также не менее оживленные связи с крымскими торговыми городами и ремесленными центрами. Каждый раз новый поток приводил к смене не всего населения, а названия этнонима предводительствующего народа, который в глазах оседлых и полuosедлых соседей в течение определенного исторического периода олицетворял подчиненные ему орды и племена, продолжавших жить по своим обычаям и придерживавшихся традиционных верований. Для XI—XIII вв. в массе сходных погребений трудно, а то просто невозможно выделить захоронение

христианина. Отличить тюрка-кочевника от славянина с тех пор, как на Руси перестали сжигать трупы покойников, стало возможно лишь по характеру могильной ямы и по находящимся в ней костям коня. Только в городских могильниках-некрополях, да и то относительно редко, встречается крест как отличительная особенность христианских погребений. Что же касается всего остального — оружия, украшения, остатки одежды и доспехи, сосуды с заупокойной пищей, славяне ставили и клали в могилу и придерживались некоторых языческих обрядов еще очень долгое время после повсеместного и всеобщего крещения.

Известно, что половец, подобно горцам Кавказа прошлого века, не расставался нигде и никогда с конем, который был ему "дороже брата и близких", и могут ли кости коня в захоронении свидетельствовать о каком-либо "язычестве"? Тогда, что же — каменные (половецкие) "бабы", которые по свидетельству фламандца монаха Г. Рубрука, половцы ставили на своих могилах и которым, как сообщает Низами, "поклонялись"? А если и так, то можно ли знаки внимания к изваяниям считать "идолопоклонничеством"? Возле этих каменных "баб" археологи, хотя и не часто, находят свидетельства жертвоприношений. Однако остатки, часто обильной трапезы с распитием спиртного и в наши дни на могилах русских кладбищ, городских и особенно сельских: яйца, рассыпанная каша и крупа, печенье, цветы, иногда — стакан с вином — не ассоциируется же в нашем сознании как свидетельства "язычества". Опубликованная в последнее время работа Я.Р. Дашкевича и Э. Грыарского, посвященная каменным "бабам", еще раз подтверждает ту мысль, что мы мало знаем о них и половедах, и потому нет оснований спешить с выводом о язычестве

половцев. Следует учесть, что территория распространения "половецких баб" намного шире, чем предполагалось до недавнего времени — от бассейна Волги до Карпат. А раз так, то только ли половцы возводили их, в каких случаях и кою они изображают — предка рода, предводителя союза родов, героя или каменный портрет умершего? Разнообразие лиц, костюмов, почти портретное сходство многочисленных изваяний, отображающих мужчин, женщин, юношей, людей с различными этническими признаками, дают основания говорить о том, что каменные "бабы" являются мемориальными памятниками, передающими с различной степенью профессионального мастерства древних скульпторов индивидуальные черты кочевника или полукочевника. Можно всецело не согласиться с этим выводом, но во всяком случае изваяния — не "идолы" и не культовые изображения, если, конечно, почитать и уважительное отношение к умершему, стремление надолго сохранить память о нем, что свойственно всем людям, не считать как культ предка. В противном случае в любой религии надмогильные сооружения, могилы святых, святые мощи, многие обряды и ритуалы можно отнести к "культу предков".

В отличие от археологических раскопок изучение каменных статуй в силу их "индивидуальностей" дает неизмеримо больше материал для решения многих вопросов, касающихся и быта половецкого общества. Еще до середины XVIII в. тысячи каменных изваяний стояли на древних курганах, и вообще на всяких возвышенностях, заметных участках степи (на высоких кряжистых водоразделах, при слиянии рек, на перекрестках и развилках дорог). Как правило, изваяния стояли по-двое, а то и пять-десять на каждом кургане. В период освоения русскими степи курганы на

нати распахивать, а каменных "баб" стали в массовом количестве уничтожать или, в лучшем случае, свозить в крестьянские дворы для практических нужд, а в помещичьи усадьбы — для украшения парков. Уничтожение было столь активным, что не только русские, но и некоторые западные ученые, обеспокоенные этим, сумели лишь в конце XIX в. добиться от правительства охраны этих замечательных произведений искусства степного народа. К счастью, к тому времени большинство сохранившихся статуй было сосредоточено в музеях южных городов России (Украина, Крым, Краснодарский край и др.) В результате из десятков тысяч каменных изваяний, установленных в далеком прошлом на степных просторах, сейчас до нас дошло около 1500. Факт некогда огромного числа каменных статуй, указывая на их мемориальное предназначение, свидетельствует о том, что они не являются культовыми сооружениями, даже если, как следует из археологических данных, эти каменные изваяния нередко воздвигались в специально оборудованных своего рода "святилищах". В этом нет ничего удивительного, ведь в местах поклонения и у погребений святых или известных религиозных деятелей были сооружения, где паломники-мусульмане или христиане и по сей день совершают — согласно конфессиональным обрядам и ритуалам молитву, трапезу и т.д. Естественно, что дорогие, в большинстве высокохудожественные каменные статуи не были доступны рядовым половцам, их изготавливали в память о богатых и знатных — родовой аристократии. С приходом в степь монголов и подвластных им племен, физически уничтоживших половецкую аристократию, прекратилось в степях и создание этих замечательных произведений искусства.

Другим примером вандализма — уничтожения уникальных исторических памятников в период экспансии России на юг, в Северное Причерноморье и Крым — это Херсонес. В ханский период на месте Севастополя существовала татарская деревня Акъяр. В год присоединения Крыма к России (1783 г.) граф Потемкин — фаворит "просвещенной императрицы Екатерины II" избрал это место для устройства военного порта, который был основан в 1784 г. и ему было дано название "Севастополь" в память бывшего у древних греков на Черном море города. Современник событий тех лет ученый Паллас писал: "При занятии Крыма существовала еще большая часть стен Херсонеса, построенных из прекрасных тесаных камней, прекрасные городские ворота и значительная часть крепких башен... но постройка города Ахтиара (Севастополя) была причиной уничтожения этого древнего города". Об этом говорит и историк Карамзин, но в тенденциозной форме, не акцентируя неблагоприятную роль устроителей города. И это все совершалось при подчеркнутом уважении "просвещенных" особ и вельмож к античной культуре греков, не взирая даже на то, что в Херсонесе князь Владимир принял крещение!

Вернемся к половецким статуям. Русская народная и мусульманская традиции одинаково представляют их "болванами" или "идолами", а для средневекового ортодоксального мусульманина даже любое изображение, которому человек другой веры поклонялся, оказывал знаки постоянного чрезмерного внимания и благоговения — большой грех. Это в равной мере относились к статуям, иконам, картинам, и надгробиям. Есть основания принять, что близкие взгляды были свойственны духовенству православной восточной церкви. Нельзя считать случайным и тот факт, что на

Руси до XVIII в. отсутствовали скульптурные надгробия, характерные для Западной Европы. Возможно этим объясняется и то, что на стенах Успенского собора во Владимире видны следы скульптурных украшений фигурных композиций, которые смущали духовенство. Подобное отношение к скульптурам было традиционным и оно находит отражение в устойчивом названии на Руси объемных изображений "болванами", что напоминало об их отдаленном идольском происхождении даже в случае изваяния святых. И в наши дни мы сталкиваемся с подобным отношением. В апреле 1995 г. в прессе сообщалось об очередном крупном скандале вокруг пяти бронзовых колоколов, которые украшают звонницу храма Святого великомученика Георгия Победоносца на Поклонной горе (г. Москва), вскоре после поутихших распрей между художниками, строителями и представителями церкви из-за необычного внутреннего убранства храма — внутренние стены храма, как отмечается, "впервые за всю историю православия" украшены бронзовыми барельефами.

Итак, каменные "бабы" отношение к ним соседних народов не доказывают "язычества" половцев, в то же время не исключена вероятность того, что не являясь ни буддистами, ни мусульманами, ни нудайстами, половцы южнорусских степей, в отличие от крымских, в значительной своей части могли быть приверженцами Христа. Относительно широкое распространение христианства в среде средневековых тюркских народов, включая и прямых предков половцев — кимаков, является общезвестным историческим фактом. Достаточно указать лишь на работы В.В. Бартольда и А.Е. Крымского. Л.Н. Гумилев в своих последних работах также отмечал христианство половцев и части монголов, указы-

вая при этом на своеобразность "степного христианства", представленного несторианством, подвергнувшись, вероятно, сильному воздействию манихейства. Он на основе огромного количества ярких фактов и обоснований попытался объяснить несторианством содержание "Слова о полку Игореве" и взаимоотношения русских князей в XI—XII вв. К сожалению, он не коснулся роли христианства такого толка в политической и общественной жизни половцев. Несторианство и манихейство сыграли важную роль в истории и духовной культуре азиатских народов. В чем же причина того, что несторианство получило распространение и среди кочевых народов? По мнению А. Никитина она заключается в следующем. Для последователей учения Нестория, осужденного Эфесским собором в 431 г., в отличие от ортодоксального восточного и западного христианства, религиозные ритуалы и обряды не имели какой-либо значимости. Строго соблюдались лишь акты крещения и причастия, и вот почему в ритуалах и символике несториан исключительную роль играл священный сосуд, зачатую чаша, наскальные изображения которой встречаются от Каспия до Монголии и Китая. Не будучи иконоборцами, несториане не считали обязательным почитание икон и креста, тем более, что последний был символом орудия пыток и казней Христа и первых его последователей. Поэтому не было необходимости в специальных храмах и торжественной сложной обрядности. Несториане не признавали церковную иерархию как институт христианской церкви, они ограничивались только священниками, которые вели проповеди, наставляли и совершали ритуал двух основных обрядов. Естественно, для постоянно передвигавшихся кочевников и полукочевников несторианство очень соответствовало образу жизни, ни в коей мере не отражаясь на традиционном их быте.

Несторианское учение же распространялось и передавалось посредством книг и свитков, что, конечно, предполагало грамотность его последователей. В отличие от ортодоксальной христианской церкви в основе учения Нестория лежал еретический тезис, что Иисус не Бог, а человек; сосуд, наполненный божественной благодатью и волей. Несторианское учение могло быть расценено как претворение в жизнь первооснов христианства и возврат к первым христианским общинам, хотя и создавало возможность возникновения различных мистических представлений о Вселенной и Человеке. В целом подобный простой и доступный религиозный толк находил понимание у кочевых и полукочевых степняков, и в силу этого не увенчались успехом поиски вещественных доказательств христианства не почитавших даже креста половцев. Убедительные, не менее важные, чем крестные свидетельства, доказательства несторианского христианства, по мнению А. Никитина, находятся... в руках каменных "баб", держащих сосуд, свиток или прямоугольник. О чем они говорят? Книги или свиток — об учении, приверженности учению, сосуд же (чаша Грааля) свидетельствует о евхаристии. Что удивительно — каменные изваяния в этом отношении весьма похожи на средневековые католические надгробия Западной Европы, изображавших усопших в парадных одеяниях с евангелиями или молитвенниками в руках. И тут невольно сопоставляешь проклятия монахов-летописцев в адрес половцев с их же поздней бранью "богомерзких", "богопротивных" латинян в "идольском богослужении"! Еще в XI в. игумен Феодосий Печерский, даже будучи верным князю Изяславу, изменившему православию, боролся против "латинства", приравнивая католичество к антиринитарной ереси Савелия (III в.) и арианс-

тва (и по сути Феодосий стал главой политической линии, времени которой пришло позже). Что удивительно, утвердившееся в создании иерархий православного духовенства, начиная с XIV—XV вв. противостояние восточной и западной церквей, оказывается более сильным, чем между православием и самостоятельной мировой религией — мусульманством или идолопоклонством соседних с севером Руси народов, в частности обских угуров. Разве не такое было отношение русского духовенства к половцам в XII в.? Если половцы были несторианами, то с позиций ортодоксии монах-летописец, конечно, по-своему прав, называя половцев "врагами Бога" и церквей. И вот почему. На вселенских соборах распространявшаяся на огромной территории от Ближнего Востока до Китая ересь Нестория была предана проклятию и отрицалась всеми церквями, поскольку последователи ересиарха возводили "хулу" на Бога, отрицая божественную природу Иисуса и считали Марию не "Богородицей", а только лишь "человеководицей". Отсюда можно заключить, что если бы половцы были действительными язычниками, то в подобной характеристике не было бы необходимости и смысла.

Обратимся к другим весьма любопытным и важным косвенным свидетельствам, достаточно убедительно подтверждающим христианство половцев. Это заслуживающие особого внимания не только другим причинам — русско-половецкие браки, которые в системе матримониальных связей древнерусских князей занимают особое место уже потому, что они были единственными браками Руси с Половецкой степью в XI—XIII вв., поскольку никто из аристократии кочевых и оседлых народов — ни печенеги, ни торки, ни берендеи, ни угры, ни принявшие ислам в IX в. волжские булгары

не роднились с русскими князьями. Есть основания утверждать, что до второй половины XIII в. русские князья брали себе жен как правило, из аристократии исключительно христианских народов. Свидетельством тому могут служить отдельные браки с ясами (аланами), предками современных осетин, которые были христианами и жили в этот период в регионе верховьев Дона и Северного Кавказа. Нет повода предполагать, что в конфессиональном вопросе для половцев было сделано исключение. Действительно, повествуя о браках с половчанками, летописцы никогда не говорят об их крещении — самом главном ритуале при принятии веры, разве что о церковном венчании, скажем "задним числом", подобно тому, как это произошло с вернувшимися на Русь Владимиром Игоревичем и Кончаковной с первенцем, который, как можно думать, был крещен еще в Степи. Возможно приобщением к православной обрядности и почитанием икон и креста, как бы сводилось на нет "еретичество" новоявленных русских княгинь, и в конечном счете не было необходимости в повторном крещении или, вернее "перекрещивании".

Весьма примечательно и следующее. При относительной скудности фактов о жизни половцев, их обычаях, традициях и т.д., тем не менее, если отбросить политические моменты в сложной их истории, прослеживается то, что и сами они в своих симпатиях и контактах отдавали предпочтение христианским народам. Так, на внучке Шарукана, сестре Кончака, дочери Атрака был женат грузинский царь Давид Строитель. И это при том, что свойственная вообще Кавказу и Востоку, придворная грузинская традиция строго придерживалась выбора царицы только из круга единоверных народов. Следует заметить, что царь Давид вместе с

родными и близкими жены пригласил для защиты Грузии от тюрк-мусульман около 45 тысяч семей половцев во главе с ханом Атраком, которые в результате нескольких сражений спасли независимость Грузии. Аналогичная ситуация сложилась в отношениях приданайских болгар с половцами, которые поддерживали антивизантийское движение на Балканах. Нельзя не отметить, возможно, уникальный исторический факт восстановления и создания при военной поддержке половцев христианского Второго Болгарского царства, первые цари которого происходили из рода половецкого хана Асеня (Эсеня). Цари-иноверцы на престоле Болгарского царства, а впоследствии и царицы, были бы немыслимы, если учесть, что восстание Асенов против Византии было этапом борьбы за самостоятельную (автокефальную) болгарскую церковь. Следовательно и со стороны иерархов болгарской церкви не было такого напряженного и обостренного отношения к зимовавшим на своих стойбищах в низовьях Дуная половцам, как и на Руси, где константинопольский патриархат оказывал большее влияние. Возможно, это в определенной мере связано с иным временем и событиями, поскольку половецкая династия болгарских царей началась накануне захвата Константинополя крестоносцами, а после этого было уже не до конфессиональных различий.

Думается, изложенное с достаточной определенностью позволяет утверждать о христианстве половцев, и если и останутся какие-либо сомнения, то обратимся к свидетельству авторитетного арабского путешественника первой половины XIV в. Ибн Батуты, который в своем сочинении заявляет, что обитавшие в Дешт-и-Кыпчак (Половецкой Степи) "кыпчаки-христианской веры

("насара"). Естественно, что вопросы особенностей этой веры не входили в круг интересов путешественника. Как известно, половцы-кыпчаки были одним из главных этносов Золотой Орды, правитель которой Берке-хан в 80-е годы XIII в. и другие золотоордынские феодалы приняли мусульманство, а процесс же полной исламизации массы полукочевых половцев завершился в конце XIV в. — намного позже, чем в Крыму, и в течение этого периода они продолжали исповедовать несторианство. Обособленность половцев от русско-византийской церкви, способствовавшая их переходу в ислам, продолжала оставаться и после прихода монголов. Это следует из того факта, что в документах специально созданной в Орде православной епархии (Сарайская и Подонская), наряду с духовными заботами, осуществлявшей дипломатические связи Орды с Константинополем, нет явных указаний относительно прихожан-половцев.

От вопроса о вероисповедании половцев перейдем к истории взаимоотношений их с русскими, Половецкой степи с Русью до нашествия монголо-татар. Выше было отмечено,

что политическая история половцев на Руси начинается с середины XI века. В "Повести временных лет" под 1056 годом записано: "Иде Всеволод на торки зиме к Воиню, и победи торки. В сем же лете приходи Блущь с половци, и створи Всеволод мир с ними, и возвратишася половци в свояси". Как видим, сначала

половцы заключили союз с Владимиром Ярославичем (1055 — 1056 гг.?), но после победы над торками союзники поссорились и в 1061 г. половецкий хан Искан разбил Всеволода. Скупая информация, сводящаяся к простой констатации, казалось бы, разрозненных фактов, таит в себе объяснение одной из важных сторон взаимоотношений русских и половцев, русских князей и половецкой аристократии, о чем будет речь идти ниже. Важно указать предпосылки, на которых основываются взгляды российских и современных историков о роли половцев в истории древней Руси в XI—XIII вв. Жестокость половцев, убежденность в их агрессивности, вероломстве, дикость, а в целом — перманентная война между Степью и Русью, которая отнимала все творческие и экономические силы русского государства — вот те постулаты, которыми определяются взаимоотношения Руси и Половецкой степи. При подобных исходных предпосылках половцы, естественно, должны и предстают прямыми предшественниками монголо-татар, то есть не нарушается перманентность и приемственность. Очевидно, это является следствием некритического использования источников, исторической предвзятости, когда факты и события грубо искажаются и толкуются в угоду идеологических установок и политической концепции, что так характерно для официальной исторической науки Российской империи и СССР в XVIII—XX вв.

Для русских хронистов (летописцы и историки) в XVI—XVII вв. половецкая проблема вовсе не была актуальной в силу того, что на юго-восточной границе шла беспрестанная война, но противниками России были государства, входившие по Гумилеву Л.Н. в тюрко-мусульманский суперэтнос — Крым, Казань,

Османская империя, ибо с падением Золотой Орды степной супрематизм в Западной Евразии распался на составные части и исчез как целостность. Поэтому, когда в конце XVIII века, в "век просвещенной императрицы Екатерины II", возрос интерес к древности и истории Российской империи, историки использовали материал летописей для собственных теоретических построений в духе своего времени. Дореволюционная русская историография — от В.Н. Татищева до Г.Б. Плеханова, за редким исключением, решала проблему русско-половецких связей с поразительной стереотипностью, невзирая на очевидные противоречия в источниках и явные несоответствия своих выводов с историческими фактами.

В.Н. Татищев писал: "Половцы и печенегы более как много сот лет русским пределам набегами, пленя и грабя, вреды наносили..... чему несогласие и междоусобие русских князей немалою причиною было...". Владимир Мономах решил женить своих сыновей на половецких княжнах, "но мало покоя и пользы иско-мой чрез то приобрел". Сам же Владимир сообщал, что заключил с половецкими "19 миров". Как отмечает Л.Н. Гумилев: "Думается, что ему виднее, где польза, тем более, что именно он первый привел половецкую рать на Русь для разгрома Половецкого княжества".

Н.М. Карамзин называл половцев "неутомимыми злодеями" и утверждал, что "мир с такими варварами мог быть только опасным перемирием". Зачем же тогда русские князья в 1223 г. пошли на выручку половецким князьям на Калку? Вообще эта необъективность, попросту ложь, идет от неизвестного автора "Погибели земли русской" (XIII в.), ложной информацией которого введены в за-

блуждение сотни поколений потомков, включая и современно-историка В. Каргалова с его крайне недружественным отношением вообще к тюркским народам, начиная от "поганных" полов и кончая "разбойничьими гнездами" — Казанским и Крымским ханствами. Что удивительно, вслед за В.Н. Татищевым, Н.М. Карамзиным, М.В. Ломоносовым и др. гениальный поэт, но плохой историк А.С. Пушкин писал: "... варвары не осмелились оставить себя в тылу поработленную Русь и возвратились в степи своего Востока". Далее: "Татары не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля". В этом было необходимости, ибо их человечеству дали мусульмане Востока и эллинистическая Греция. Уместен такой вопрос — а что собственно, Русь XI—XIV вв. дала человечеству, тюркам — "добра, карям и варварам" Великой Степи?

Н.Г. Устрялов, хотя и приводил факты участия половцев в междоусобицах, как наемного войска, именует их "лютыми алдеями". Менее эмоциональный С.М. Соловьев считал, что "Россия... должна была вести борьбу с жителями степей, с кочевыми азиатскими народами...". Подобные мысли вслед за Соловьевым высказывал В.О. Ключевский, они придавали этой войне характер "борьбы леса со степью". Облекая как бы географическим смыслом "извечный антогонизм" Руси и Степи. Создатели этих концепции считали своим долгом оправдать "отсталость" России от стран Западной Европы и доказать неблагодарным европейцам, что "Русь своей степной борьбой прикрывала левый фланг европейского наступления". Иными словами, исторической заслугой Древней Руси перед мировой цивилизацией является то, что русичи не жался себя, прикрывали католические монастыри, в которых их предавали анафеме за принадлежность к православной церкви (схизме); рыцарские замки, откуда выходили феодалы грабить единоверную Русь Византию, городские коммуны, торговые славянскими рабами; пройдох-ростовщиков, большая копия которых была выдворена из Киева народом при Владимире Мономахе и т.д.

По мнению Н. И. Костомарова, кочевники задержали развитие цивилизации в Древней Руси, даже и торки и берендеи, смешавшиеся со славянами и сражавшиеся под знаменами киевских князей. "Русь была окружена чужеземцами, готовыми вмешаться в ее дела. С востока, как тучи, одна другой мрачнее, выходили полчища степных кочующих народов Азии, жадных к грабежу и истреблению". Даже помогая южнорусским князьям, кочевники приносили вред, ибо из-за смешанности населения "в Руси не могло образоваться ни прочной княжеской власти, ни родовой аристократии, ни... народоправления, а частые половецкие набеги вынуждали южноруссов переселяться на север". До П.В. Голубовского, убедительно доказавшего, что в южнорусских степях жили три разных тюркских народа, враждебные друг другу, и каждый из них имел свою историю и свою судьбу — печенеги (потомки канглов), торки (ответвление гузов) и половцы, народ древней культуры, многочисленные и разнообразные степные этносы Евразии рассматривали как однородную массу варваров, враждебных всякой культуре, и, главное, европейской цивилизации.

Для Западной Европы это давнее традиционное мнение, поскольку никто как туркмены-сельджуки и мамлюки Египта под предводительством кыпчаков остановили войска крестоносцев и

выгнали рыцарей из "заморской земли" — Палестины. Половцы же нанесли смертельный удар Латинской империи, после чего полвека продолжалась ее агония, и основательно потрепали авангард католического Запада — Венгрию. Тем не менее, П.В. Голубовский писал: "...Русь на своих плечах вынесла эту борьбу с куманами и грудью прикрыла Европу". Антипатия европейцев к степным народам понятна, но почему же русские историки так болезненно сочувствуют государствам, организовавшим в XIII в. крестовый поход против Руси?

Раз половцы предстают, как отмечалось выше, прямыми предшественниками монголо-татар, то, естественно, они, в дополнение к приведенным характеристикам, "коварны", "хищны", "злобны", "алчны" и т.д., их основное желание — захватить русские города, "попленить всю землю Русскую", как выражается летописец, явно неодобрявший дружбу и союзы русских князей с половцами. Что говорить о древнерусских монахах-летописцах, о российских историках — если даже и в наши дни название "Половецкая степь" не перестало быть синонимом высшего беспредела дикости, гнусных преступлений, что видно из телевизионной рубрики А. Невзорова и самого его названия "Дикое поле". При анализе ситуаций XI—XIII вв., принимая во внимание причины конфессио-нальной неприязни летописца к половцам, надо, как это делают добросовестные историки, учитывать степень поправки на субъективность в оценке исторических событий того периода. Достаточно объективно и комплексно подходят к истории половцев и Половецкой земли такие историки как Л.Н. Гумилев, Г.А. Федоров-Давыдов и С.А. Плетнева, исследования которых позволили сделать вывод о своеобразном симбиозе, возможности вклю

чения Половецкой степи в систему княжеств Древней Руси. А. Никитин упрекает Л.Н. Гумилева в том, что он переносит состояние добрососедских отношений между Степью и Русью во времена половцев и на последующий золотоордынский период. Хотя взаимоотношения Руси и Золотой Орды в период "ига" — это большая и самостоятельная тема, которая требует дальнейшего углубленного изучения, тем не менее обратимся к некоторым общезвестным фактам, чтобы показать необоснованность упрека. Итак, хан Берке в 1220 г. разрешил Александру Невскому учредить в Сарае православную епископию; церкви и монастыри и школы при них не только не разрушались, но и не закрывались, а пользовались даже поддержкой. Недаром же Ханбике, жена Узбека и их сын Джанибек всецело покровительствовали митрополиту Алексею; не уничтожались письменные памятники, не было попыток насильственной исламизации и отюречивания Руси со всеми вытекающими последствиями. Был положен конец феодальной раздробленности Руси, доведшей ее до критического состояния и т.д.

Далее, примером крайне отрицательного отношения к половцам представляют в целом и известные работы Б.А. Рыбакова о "Слове о полку Игореве". Полностью соглашаясь с бранью и негодованием, и даже где-то усиливая (именно летописца киевских князей) историк дает картину беспощадной двухвековой борьбы, "смертельной схватки" между обессиленной Русью и постоянно нападающей агрессивной Половецкой степью, непрерывно прорывавшей и нарушавшей "систему обороны" древнерусских княжеств, которую будто бы создавали киевские князья на громадном пространстве от Карпат до Подонья. Характеристика Б.А. Рыба-

кова любого удельного князя всецело зависит от отношения к великому князю киевскому: одобрял и поддерживал ли киевские выступления против половцев, не гнушаясь подло умертвлять послов и гостей, или, напротив, выступал за мир, добрососедство и содружество с половцами. Естественно, анализ с подобной методологией оценок бесперспективен, реальная история русско-половецких взаимоотношений, как отмечает Л.Н. Гумилев, куда сложнее, богаче и, зачастую, парадоксальнее искусственной схемы.

Летописи Руси до нашествия монголо-татар полны сообщениями о военных столкновениях русских князей с половцами, о их походах на них, о половецких набегах и т. д. В этой связи следует учесть, что половецкие набеги коснулись около 7% территории Руси, тогда как русские в своих походах достигали и Дона и Дуная, приводя половецкие становища к покорности. До середины XIII в. половцы выполняли роль барьера против натиска с востока, и были на стороне Руси в столкновениях с венграми и поляками. При анализе сведений о русско-половецких столкновениях по Лаврентьевской летописи оказывается, что за 180 лет (1055—1236 гг.) половцы нападали на Русь 12 раз (в среднем один раз в 15 лет), столько же раз русичи на половцев, а совместных русско-половецких операций в междоусобных войнах было 30 (одна акция в 6 лет). В период походов Мономаха, завоевавшего степи от Дона до Карпат, характер столкновений значительно изменяется, и поэтому, интересны данные по проверке и сравнению сообщений летописи как доказательство "жестокой вражды" между "погаными" и русскими князьями. Вот некоторые из них. 1120 г.: "Ярослав ходи на половци за Дон и не найдя их

вернулся". Как можно пройти с войском по враждебной территории почти 1000 км без встречи и столкновения с противником? 1125 г.: "Битва с половцами Ярополка" — нечто иное как набег половцев на "торки проклятыя", кровных врагов половцев, которым Ярополк Владимирович оказывал помощь. 1153 г.: "Посла Изяслав сына своего Мстислава на половци к Преслу, зане пако-стяхуть тогда на Суле, он же не дошед до них и възвратися вспять". 1169 г.: "Поход половцев на Киев и Переяславль...". А похода, как отмечает Л.Н. Гумилев, и не было! Около 3-х тысяч половцев пришли заключить договор с Глебом Юрьевичем, но часть их по пути была разгромлена 1500-ми берендеями. Если средние армии того времени составляли 30—50 тысяч воинов, то половцев, значит, было 3—5% от нормального войска. Во временной шкале военные столкновения, хотя многие из них таковыми не являются, занимают неизмеримо меньшее время, чем периоды мирных взаимоотношений, и тем не менее, однако, основное внимание обращалось и обращается на конфликты.

Целесообразно воспользоваться эффективным статистико-хронологическим подходом при выяснении причин экстремальных ситуаций в сопоставлении с контактами мирного характера. В этом отношении интерес представляет достоверный период между 1056 и 1200 годом, на котором заканчивается "Киевский летописный свод", достаточно полно сохранившийся в Ипатьевской летописи. Ограничение этим историческим периодом оправдывается и тем обстоятельством, что к началу XIII в. половецкая аристократия была уже связана с Русью настолько тесными узами дружбы и родства, что даже очень резкие в своих оценках половцев российские историки уже осторожно говорят о некоем "обли-

женин". Действительно, как же иначе характеризовать сложившуюся ситуацию, если знаменитый Новгород-Северский князь Игорь Святославович и его брат "буй тур" Всеволод по крови на 3/4 были половцами? Все упоминания половцев летописцем почти за полтора века могут быть сведены в четыре типа контактов: 1 — приход половцев с предложением мира; 2 — браки между русскими и половцами; 3 — участие половцев в княжеских междоусобицах; 4 — половецкие набеги. Согласно летописи, как следует из анализа А. Никитина, половцы приходили для заключения "вечного мира" с киевским князем 13 раз — в 1093, 1094, 1101, 1113, 1141, 1146, 1147, 1155, 1156, 1158, 1163, 1172 и 1184 гг. Очевидно, за указанный период таких приходов должно быть столько же, сколько было "великих князей" на престоле. И всякий раз половцы приходили к новому "великому князю" — "главе Русской земли" с предложением подтверждения мира между Степью и Русью, как пишет летописец "чтобы ни ты, князь, не боялся нас, ни мы тебя не боялись". Следует особо подчеркнуть, что инициатива всегда исходила от Половецкой земли, и ее, безусловно, нельзя иначе истолковать как желание половцев жить в мире с Русью. Этому способствовали, как отмечалось, и половецко-русские браки. Надо думать, что в соответствии с психологией и традицией русских того времени, до нас дошел далеко не полный их перечень, так как в отличие от западно-европейских хроник, в которых живописания царствующих и влиятельных особ женского пола занимают значительное место, русские летописи, за редким исключением, не уделяют внимания женам и дочерям великих князей, а если и упомянуты, то названы, как правило, по мужу или по отцу. В свете русско-половецких браков весьма примечательно то, что не отмечены случаи, когда за степных ханов

выходили бы русские княжны. Подобные браки безусловно должны быть, и об этом свидетельствуют имевшие место в более поздний период браки великокняжеских дочерей с ордынскими царевичами-мусульманами. В этом убеждает и история вдовы Черниговского князя Владимира Давыдовича — так и не названной по имени дочери городенского князя Всеволода Давыдовича. Она овдовела в 1151 году, когда в междоусобной битве погиб ее муж, и тут же бежала со своим сыном в Степь, где она стала женой половецкого хана Башкорда ("Северный волк"). Хан вырастил пасынка, более того, добился для него доли в отцовском княжеском наследстве, посадил на престол, и впоследствии со своей конницей — половецкой дружиной при необходимости, почти регулярно, приходил к нему на помощь. Генеалогия русских князей домонгольского периода (X—XIII вв.) и их брачные связи с половцами исследована Н.А. Баскаковым. Владимир Мономах "добрый страдалец за Русскую землю" женил двух сыновей — Юрия в 1107 г. и Андрея в 1117 г. — на половчанках. Андрей Юрьевич Боголюбский, один из знаменитых русских князей XII в., был по матери половцем, князь Галицкий Мстислав Удалой был зятем половецкого князя — хана Котяна. В летописях имеются сведения о полутора десятках русско-половецких браков. Так, на половчанках были женаты Олег Святославич, Изяслав Давыдович, Всеволод Ольгович, Юрий Владимирович (Долгорукий). У Всеволода и Святослава Ольговичей мать была половчанка, у Игоря и Всеволода Святославичей половчанками были мать, и бабушка по отцу. К началу XIII в. во всех князьях так называемого "черниговского дома" и у преобладающего большинства князей северо-восточной Руси текла половецкая кровь.

По хронологической статистике половцев приводили на помощь: Олег Святославич — в 1078 и 1094 гг., Роман Святославич — в 1079 г., Давид Игоревич — в 1097 г., Всеволод Ольгович — в 1128, 1135, 1136, 1139 гг., Изяслав Давыдович — в 1140, 1154, 1159, 1160, 1161, 1162 гг., Святослав Ольгович — в 1146, 1147 гг., Юрий Владимирович — в 1149, 1150, 1151, 1152, 1154 гг., Святослав Всеволодович — в 1167, 1177, 1180 гг., Глеб Юрьевич — в 1172 г., Ярослав Всеволодович — в 1195, 1196 гг., Рюрик Ростиславич — в 1196 г. Таким образом, князья за 118 лет (с 1078 по 1196 гг.) призывали и приводили к себе на помощь половцев 28 раз, т.е. в среднем каждые 4 года, тогда как по Лаврентьевской летописи, что отмечалось выше, — каждые 6 лет, правда за 180 лет (1055—1236 гг.). Что удивительно, за исключением Давыда Игоревича, нанявшего Боняка (возможно искаженное от Боляк — "подарок") с отрядом, о чем говорится в летописи, все остальные князья — родственники половцев: сыновья, внуки и мужья половчанок! Это позволяет объяснить действительный, реальный механизм пресловутой русской "высокой политики" и понять суть "общенациональной идеи", на которые, за редким исключением, опираются историки, стремясь оправдать действия какого-либо князя с тем, чтобы обвинить его русского же противника в "непатриотичности" и "корыстолюбии". Естественно, отсюда же исходят усилия моральных оценок обращения призыва князей половцев на помощь, характеризуя эти действия как "предательство" интересов русской государственности и русского народа. При этом, привод половцев ставится в один ряд с жестокими расправами московских князей с тверскими и нижегородскими князьями, опираясь на помощь опять-таки призванных карательных

ордынских отрядов, не принимая во внимание иную этно- и геополитическую ситуацию в огромном регионе Евразии в период Золотой Орды.

В реальной действительности все было проще и обусловлено иными, более естественными причинами. Но сперва надо представить себе, что собой представляла Русь XII века. Обобщенное политико-географическое понятие "Русь" включала в себя множество крупных и мелких уделов-княжеств, и они не были обособлены друг от друга, поскольку их территория и, главное, соподчиненность постоянно менялась исключительно военной силой. В отличие от других средневековых государств Европы, Востока и Азии, история которых также полна военными столкновениями и войнами, Русь являла собой в то время, по образному выражению А. Никитина, как бы "гигантский семейный княжеский подряд" на территории Восточной Европы, поскольку на всех княжеских престолох, во всех крупных городах сидели исключительно ближние и дальние родственники. И все распри, все войны между князьями в княжествах определялись вовсе не какими-то "высокими общерусскими идеями", "общегосударственными целями и интересами", а постоянным дележом общего наследства, кровавыми ссорами за общим столом — на земле Руси.

В дополнении к вышеприведенным матримониальным связям, достаточно проанализировать родственные отношения князей в возникающих, распадающихся и вновь возникающих противоборствующих группировках, чтобы выявить и понять подлинные мотивы действий каждого из них. К сожалению, приходится судить о родстве и свойстве русских князей только по мужской линии, и сколько бы могло быть разрешено, если бы в

летописях сохранились сведения и о женской половине княжеских домов! Как известно, родство обязывало, и сложные переплетения его нитей в XII в., естественно, потянулись и в Половецкую степь. Для половцев, да и вообще для кочевых и полуседлых степняков Евразии, традиционные, выработанные веками законы родства были более непреложными, чем для русских князей. Вот почему князья постоянно, систематически посылают за помощью "ковуем своим", то есть к дядьям по матери, к шурьям, а те, в свою очередь, регулярно обращались с вопросом: "Спрашиваем здоровья твоего, брат, а не велишь ли нам с силою прийти?". А. Никитин отмечает, что из оборота "ковуем своим" в различных орфографических начертаниях не понятого некоторыми поздними переписчиками и возникло несуществовавшее племя "ковуевкоуев", продолжающее кочевать и по сей день по страницам исторических работ. Однако, с подобным утверждением нельзя согласиться, поскольку, как будет рассмотрено ниже, "кову" — это искаженное тюркское слово "куу", лежащее в основе самоназвания половцев — "кууман". Итак, правомочно ли на основании, такой, скажем, родственной военной помощи, считать половцев, как сейчас сказали бы, "агрессорами"? А между тем следовало бы особо подчеркнуть следующее — летописец порой отмечает, что именно половцы неоднократно склоняли русских князей к установлению мира на Руси, к отказу от губительной княжеской междоусобицы! В этой связи, хотя выше и приводились традиционные представления о взаимоотношениях Руси и Половецкой степи, есть необходимость еще раз коснуться этой "вечной" проблемы. В XIX в. аксиоматически предполагалось, и даже вошло в гимназические учебники, что "рыцарственная Русь и тревожная недобрая Степь, разлившаяся безбрежным морем от Волги до Ду-

ная, были извечными "антагонистами". Интересное объяснение расцвета, скажем возвышения, Киевского княжества дал А.Е. Пресняков: угроза со стороны половцев из южных степей вызвала создание в Киеве "военной княжеско-дружинной организации... но за свое служение делу европейской культуры Киевщина заплатила ранним надрывом своих сил..." — вот еще один вариант извечного про-тивостояния и "борьбы леса со степью". Н.А. Рыбаков, как и ряд других авторов, утверждает, что "в XI в. с падением Хазарского царства и торжеством половцев в южных и юго-восточных степях торговля с арабами слабеет и, наконец, совершенно прекращается, потому что половцы перерезают и уничтожают существовавший раньше путь для этой торговли". Если брать во внимание исключительно арабских купцов, то в Халифате война шла беспрестанно, некому было торговать. Следовало бы знать, что купцы в Степи от Китая до европейских стран пользовались в соответствии с давними историческими традициями непрекосновенностью, за что платили пошлины. Более того П.И. Ляшенко усматривал в кочевниках "диких степей юга причины замедленного исторического развития восточных славян", а П.П. Толочко указывает, что "оборона и охрана торговых путей возглавлялась киевскими князьями и велась в интересах всей Руси". Удивительно, а почему же тогда Киев был подвергнут варварскому разграблению с жестокой расправой над состоятельным "людом" — на-пример, сначала суздальцами в 1156 г., а потом черниговцами в 1203 г.? М.С. Грушевский, говорил о губительных походах суздальцев и смолян на Киев, осуждает в этом ... "кацапов"!?

Летописцы, известно, были людьми своего времени и фиксировали внимание на событиях экстраординарных, и в своем понимании. Именно поэтому даже детальное изучение летописных сведений может и дает искаженную картину событий. Однако привлечение широкого материала из истории сопредельных и окрестных стран позволили А.Ю. Якубовскому отнестись критически к банальному пониманию истории Руси и Половецкой степи как войны не на жизнь, а на смерть. Еще в 1932 г., он писал: "Историкография, заполненная рассказами о военных столкновениях с половцами (куманами), не сумела заметить того факта, что для отношений между русскими княжествами и Половецкой степью более характерным и нормальным являются не войны и набеги, а интенсивный товарообмен". Еще с большей уверенностью высказались по этому вопросу и другие исследователи, компетентность которых не вызывает сомнений. "Идея извечной принципиальной борьбы Руси со Степью — явно искусственного, надуманного происхождения" — пишет В.А. Пархоменко. Очень категоричен В.А. Гордлевский: "... официальное, навязанное церковью представление о народе, живущем не в городах, где утвердилось православная христианская вера, а в степи, идет ... с запада... через католических миссионеров; культурные связи между Киевом и Западом принесли и взгляд на половцев как на "батога бога" — "бича божий". Он указывает, что по мере взаимного привыкания и приобщения шло изменение политических взаимоотношений между половцами и русскими; в XII в. они становятся более тесными и дружественными, "врастают в повседневный быт, особенно путем смешанных браков во всех слоях общества". В.А. Гордлевский также отмечает, что куманophobia в значительной мере

связана и с абсолютным и безусловным доверием к оценкам автора гениальной древней поэмы "Слова о полку Игоревом", основанным на личных симпатиях, его взглядах и целях, которые, естественно, нам неизвестны. В целом, вывод концепции куманофобии из самой острой проблемы Древней Руси — из проблемы восточных соседей был, по образному выражению Л. Н. Гумилева, таков: "Бей дикарей", так хорошо совпадавшим с известным трагическим решением индейской проблемы в XVIII—XIX вв., на территории США, когда было провозглашено: "Хороший индеец — мертвый индеец". Сами американцы стыдятся сейчас того, что их не столь уж далекие предки выдавали вознаграждения за скальп индейца, как за шкуру убитого волка". У русских, и тем более у нас — потомков половцев нет причин стыдиться средневекового прошлого.

Концепция, отвергающая извечное противостояние, постоянную опасность и угрозу Руси со стороны Половецкой степи, соответствует несомненным историческим фактам. Действительно, с X по XIII вв. без серьезных помех действовали традиционные торговые пути из Киева к Черному и Азовскому морям и на степных просторах стояли города — крупные торговые и перевалочные центры, в частности Белая Вежа на Дону и Белгород в низовьях Днестра, что, очевидно, было бы невозможно при постоянных военных столкновениях с целью захвата территории, которые непрерывно имели место внутри самой Руси — это княжеские междоусобицы. Что касается политического единства степных народов, якобы сплоченных и способных противостоять Киевской державе в X—XII вв., — то это, конечно, не соответствует действительности. Постоянные столкновения из-за пастбищ и зим-

них стойбищ усугублялись многовековыми устоями, в частности институтом кровной мести, не оставлявшей места для примирения, а тем более объединения. Степной хан со степной аристократией скорее мог договориться с русским князем, считавшим, что "за удаль в бою не судят", нежели с другими степняками, всецело связанными родовыми традициями. Поэтому, очевидно, покинули родные степные просторы венгры, болгары и аланы, уступившие место печенегам и торкам, которых в заволжских степях теснили половцы, в то время, когда на русской земле крепкий, по Л. Н. Гумялеву, — Киевский каганат. И возможно ли, допустимо ли, что этому государству могли угрожать двигавшиеся на запад и приходящие к границам Руси в общем разрозненные орды и племена? А набеги и ответные действия — это повсеместно наблюдаемая и на Западе и на Востоке малая война, так характерная для средневековья. Ко времени, когда Владимир Мономах "навел порядок" на Руси и в 1111 — 1116 гг. перенес войну против половцев, начатую по инициативе великого князя Святополка II, в степь, половцы расколотые на несколько племенных союзов, были, можно сказать, усмирены, и их западные кочевья были полностью подчинены Владимиром Мономахом. Могущество Руси было несомненно, и если бы половцы вовремя, не поняли это и продолжали "войну против Руси", то они были бы уничтожены с большей жестокостью, по сравнению с проявленной жестокостью в последующих княжеских междоусобицах. Затем 120 лет, с 1116 по 1236 гг. половецких набегов на Русь было всего 5, столько же русских походов на Степь. Случаев участия половцев в междоусобицах — 16, и при этом, ни одного крупного города, взятого и разграбленного половцами! А в XIII в. русские и половцы совместно участвуют в отражении сельджукского десанта в Крым и

монгольского рейда на Дон и оба раза делят горечь поражения. Таким образом, война с половцами — бесперспективная для обеих сторон угасла, так как западный половецкий союз, по определению С.А. Плетневой, вошел в состав Русских земель, сохранив автономию, а задонские половцы в 1116 г. одержали победу над союзниками Руси — торками и печенегами, взяв реванш за поражения в 1111 г. В дальнейшем они добровольно выступают союзниками суздальских князей. Этим закончились утомительные обоюдные стычки и набеги, и наступил новый период русско-половецких отношений, характеризующийся участием половцев в междоусобных войнах русских князей. По сути дела в XII — XIII вв. Половецкая земля и Киевская Русь составляли, согласно Л.Н. Гумилеву, одно полицентрическое государство, после же 1132 г. наступило время своеобразного русско-половецкого "симбиоза". русские и половцы составляли уже единую этносоциальную систему. Интенсивность торговых отношений Русь с Востоком в XII в. уменьшилась, но зато сократился налоговый пресс на население — содержание князя с челядью и дружиной не составляло трудностей, а насытить мировой рынок русскими мехами становилось уже не под силу. На границе Руси с Половецкой степью шло смешение, при этом конфессиональные проблемы исключались благодаря вообще бытовавшему тогда двоеверию, и стремления, к слиянию народов не было и в этом не было необходимости, так как русичи не хотели, не могли жить без рек и леса, а половцам немислимо было жить вне степи. Однако они нуждались в изделиях из дерева, топорищах, посуде, железной утвари, а русские имели прекрасную возможность получать скот, мясо, шкуры, изделия из кожи, шерсти и др. Обменная торговля

без наживы связывала степняков и славян лесостепной полосы в экономико-географическую систему, что в значительной степени способствовало и формированию военно-политических союзов. Вот почему в XII в. на Руси было очень много симпатизирующих половцам.

Заслуга Владимира Мономаха не в победе над слабым противником, а в заключении мира, обеспечивавшего на 130 лет русско-половецкий союз. Население Руси составляло тогда ориентировочно не менее 5—6 млн., а половцев — около 400 тысяч, при этом Русь обладала крепостями, мастерами, и элемент риска в этой войне у русских полностью отсутствовал, т.к. у половцев практически не было тыла и союзников. Владимир Мономах говорил с половцами с позиции силы. С одной стороны он стремился подавить их самостоятельность, а с другой — заключил с половцами "19 миров", то есть использовал их как союзников против других русских князей. Обе позиции исключали несправедливость в отношении половцев, с ними князья умели договориться, и даже, пожалуй, лучше, чем между собой. Половецкие ханы предпочитали союзы с князьями Черниговскими, Галицкими, и Суздальскими против киевских, поскольку те опирались на торков, враждебных половцам, о чем еще скажем ниже. Именно поэтому Киевское летописание столь неблагоприятно и враждебно к половцам. Надо полагать, что черниговские летописцы писали то же самое про торков и "черных клобуков", но их сочинения, к сожалению, не дошли до наших дней.

Нельзя не указать еще на один момент в программе Киева, в частности, при дворе великого князя Святополка Изяславича, отмеченный Л.Н. Гумилевым. Речь идет о политике партии, опи-

равшейся на купеческий капитал и имевшей польско-немецкую ориентацию. Именно эта партия толкала великого князя на военные действия против куман-половцев, потому что пленных продавали в рабство купцам, увозившим их в Регенсбург и Венгрию для дальнейшей перепродажи в Египет. Греки были конкурентами этих купцов, и поэтому константинопольская митрополия была в оппозиции Святополку II, а Киево-Печерская лавра, соперница митрополии, поддерживала его и, следовательно, кумановофобия XII века была программой заграничных купцов и их прихлебателей в Киеве. Интересно, что историки для интерпретации политической истории Руси исходят из пресловутого "принципа необходимости". Тогда, если одной необходимости достаточно, чтобы создать сильные государства, то почему они создаются так редко? Почему не было создано такое же могущественное государство на Руси в XIII веке, когда нужда в нем была еще острее? И почему киевские князья то и дело покоряли не печенгов и половцев, а славян — русичей? Да еще как жестоко! Видимо славянам сильная держава в Киеве была не нужна, хотя Киев и был центром торговли с Европой и через Крым и Болгарию со Средиземноморьем и Востоком.

А как обстояло дело в Европе? Не представляла ли она угрозу Руси? Или главной опасностью были сами русские? Накануне Батыева прихода "полугосударства", княжества — осколки Киевской державы, составляющие Древней Руси, были многолюдны (около 5—6 млн.) и богаты, особенно Новгород. Население было способно к восприятию византийской культуры в полном объеме, поскольку в отличие от Западной Европы на Руси было много грамотных (вспомним берестяные грамоты), так как религиозные

и философские книги на славянском языке были тогда в общем доступны, тогда как на Западе для тех же целей необходимо было знание латинского языка. И тем не менее люди в Западной Европе в XII—XIII вв. добивались от королей всевозможных хартий, обеспечивавших горожанам права, а феодалам — пожизненные привелегии, проводили философско-богословские диспуты в университетах, государства расширяли свои границы, то есть шли различные по масштабу локальные процессы этнической интеграции, несмотря на непрекращавшиеся войны и распри. В Европе все воевали за что-нибудь. Одни — за престол святого Петра, другие — за императорский венец, третьи — за свободу своих городских коммун, четвертые — за право считать мир творением Сатаны, пятые — за гроб Господень, шестые — за лилии Франции и т.д. и т.д. А славянские, русские князья — воевали друг против друга! И это на фоне учреждения военно-монашеского Ордена меченосцев и строительства крепости Риги, с чего началось завоевание Прибалтики, что не могло не представлять угрозу Руси. Полоцкий князь Владимир был предоставлен самому себе, ссора с владельцами двух волостей привела к тому, что князь оставил эти земли без помощи и они были захвачены немцами. Само княжество уцелело, но через два десятилетия подчинилось Смоленскому княжеству, и это развязало руки немцам, чем они и воспользовались. Казалось бы, богатая и свободолюбивая Новгородская республика должна была не пожалеть сил для того, чтобы остановить немецкий натиск. Новгородские бояре и купцы, возможно, и понимали ситуацию, но действовали очень вяло, если не сказать бездействовали. Другие же князья — владимирский, смоленский, черниговский вели себя так, будто полномасштабное

вторжение немцев и захват Прибалтики, земель, непосредственно соседствующих с Русью, их абсолютно не касается.

Историками отмечается жестокость половцев как активной силы в междоусобицах, а русские князья, их воины были добрее, милосерднее? Об-ратимся к примерам, красноречиво свидетельствующим о том, что столкновения между князьями носили куда более жестокий характер, причем к жестокости добавлялось вероломство, бесчеловечность, а иногда и аморальность. Что можно сказать о следующем факте: в 1216 г. в Ростово-Суздальской земле, без участия половцев "пошли сыновья на отца, отцы на детей, брат на брата, рабы на господина, а господин на рабов". И на берегах реки Липица за один день полегло около 10 тысяч русских убитых русскими же! Омерзительно было убийство Глебом Владимировичем Рязанским шести своих братьев, приглашенных на пир, а также сопровождавших их бояр и слуг (1217 г.). Как не сказать о волынском князе Романе Мстиславиче. Он "устремлялся на поганых как лев, сердит был как рысь, губил как крокодил, проходил землю как орел, а храбр был как тур". (Ипатьевская летопись под 1201 г.). Но эти "поганые" были соседние мирные литовцы и ят-вяги, а также и ... половецкие женщины, и дети, которых Роман "полонил" в то время, когда их мужчины пошли на помощь славянскому болгарскому царю Иоанниче, стремившемуся заключить с Византией достойный мир (1201 г.). Набег Романа был совершен в 1202 г. в угоду его верным союзникам и заклятым врагам половцев — торкам, о чем мы еще скажем. Начал он княжение в Новгороде, одержав победу над суздальцами и их союзниками в том самом 1169 г., когда Андрей Боголюбский взял Киев у его отца и отдал "мать городов русских" на трехднев-

ный грабеж своим ратникам. В 1173 г. новгородцы "показали ему путь", то есть прогнали его, он ушел на Волынь, по пути женившись на дочери Рюрика Ростиславича Смоленского. С этого времени он не знал ни покоя, ни верности слову, он то участвовал в усобицах родственников, то, захватив, Галич, бежал из него от венгров, то ссорился со своим братом Всеволодом из-за Волыни, то воевал с соседями Руси или с русскими князьями Ольговичами, со своим тестем Рюриком и в 1197 г. с галицкими боярами. Здесь он запятнал себя такими жестокостями, что русский летописец предпочел не упоминать эти факты, сведения о них сохранились в польских хрониках. Единственными его друзьями были торки, они помогали ему в 1203 г. отстаивать Киев от черниговцев, смолян и половцев. Но он потерпел неудачу и здесь, после этого он обратил свой взор на запад. И всю свою жизнь он проливал русскую кровь от Новгорода до Галича, предавал друзей и родных и никогда не щадил слабых.

Еще в 1177 г. рязанский князь Глеб Ростиславович сделал набег на князя Всеволода III (Большое гнездо), сжег Москву, но был разбит на реке Колокше и взят в плен вместе со многими рязанцами, половцев и суздальцев в плен не брали. Всеволод ослепил рязанских князей, младшие были казнены после повторного мятежа. В 1187 г. после очередного восстания рязанцев суздальцы "землю их пусту створиша и пожгоша всю". Рязань ослабела, и некоторое время рязанские князья поддерживали Всеволода III, но в 1207 г., в разгар войны с черниговскими Ольговичами выяснилось, что рязанцы собрались его предать. Всеволод схватил рязанских князей, а в Рязань послал княжить сына Ярослава с отрядом суздальцев. Рязанцы присягнули Ярославу, но затем ста-

ли хватать и заковывать в цепи его людей, а многих заживо закопали в землю. В 1208 г. Всеволод подошел с войсками к Рязани, вывел из города большую часть жителей, а город сжег, что очень и надолго ослабило Рязанское княжество. В 1205—1206 гг. черниговское войско при помощи половцев и берендеев попытались овладеть Галичиной, но были отражены венграми. После ухода венгерского гарнизона бояре изгнали вдову — княгиню Анну и пригласили трех сыновей Игоря Черниговского, героя "Слова о полку Игореве" и инициатора разгрома Киева. Они поссорились друг с другом. Роман Игоревич при помощи венгров выгнал своего брата Владимира, сам был потом изгнан Ростиславом Рюриковичем Смоленским и восстановлен венгерским королем Андреем II, который затем послал войско, пленившее Романа и захватившее Галич. Роман Игоревич бежал в родной Путивль к брату Владимиру, туда прибыл из Польши брат Святослав и братья приняты приглашение галичан освободить их. Освободители, взяв власть, истребили более пятисот "великих" бояр, имущество их разграбили, а владения раздали своим родственникам. Уцелевшие бояре бежали в Венгрию и просили короля дать им в князья Даниила. Войско короля Андрея II заняло Звенигород в Галич, захватив при этом Романа и Святослава Игоревичей. Галицкие бояре выкупили их из плена и торжественно повесили в Галиче вместе с их многочисленными родственниками. В конечном счете, этого следовало ожидать, в 1214 г. Галичина была поделена между венграми и поляками. Приведем еще один пример, характеризующий и вероломство, и действительно "вечную вражду" князей. Монголы с участием бродников — потомков православных хазар ударили по половецким тылам и разгромили Юрия Кончаковича,

а хана Хотяна, тестя Мстислава Удалого отогнали за Днепр. Половцы настойчиво просили русских князей о помощи и призывали, как говорилось выше, к совместным действиям. В принципе у Руси не было повода для войны против монголов, и более того, те прислали посольство с мирными предложениями. Князья, собравшись "на снем" (совет), решили выступить ... в защиту половцев и, несмотря на настойчивые возражения последних, убили послов. Русско-половецкое войско численностью до 80 тысяч ратников преследовало отступавших монголов до реки Калки, вынудило их принять бой и было наголову разбито. Причина поражения — у русских не было общего командования, потому что, три Мстислава — Галицкий (Удалой), Черниговский и Киевский — находились в такой ссоре, что не могли заставить себя действовать сообща. По уговору атамана бродников Мстислав Киевский сдался монголам с тем, чтобы его затем выпустили за выкуп.

Изложенное подводит нас к вопросу — что же в действительности нарушало мир между Русью и Степью? Два фактора: коллективные походы русских князей на половцев и ... не раз отмечавшиеся выше торки. Опять обратимся к статистике и начнем с коллективных походов. В летописе их отмечено около десятков — в 1103, 1109, 1110, 1111, 1152, 1160, 1167, 1168, 1170, 1174, 1183, 1185, 1187 (три похода), 1190, 1191, и 1193 гг. Причем последние четыре точно совпадают по времени с уходами половцев на Нижний Дунай в

помощь болгарам, боровшимся против Византии, когда "русские удалыцы" захватывали их стада и оставленные без охраны вежи и стойбища. Нельзя не сказать и о том, что половцы помогли сохранить независимость не только Болгарского царства, но и спасли Русь от возможной "погибели". Действительно, после захвата в апреле 1204 г. франко-итальянскими крестоносцами — злейшими врагами православия, Константинополя, Русь перестала быть частью грандиозной мировой системы и оказалась в изоляции. Охваченной в клещи двумя крестоносными войнствами, с севера и с юга, над Русью нависла смертельная угроза, но тут ... опять-таки вмешались половцы. Они пришли на помощь болгарскому царю Калояну и в 1205 г. наголову разгромили крестоносцев при Адрианополе и остановили их продвижение в русские земли. Удивительно, но факт, что русские князья ни разу не оказывали помощь своим славянским православным собратьям-болгарам.

Каждый коллективный поход русских князей на половцев побуждал, естественно, их к ответным, инспирированным действиям. Проведенных самостоятельно без русских родственников половецких набегов на Русь насчитывается 26. Но опять-таки — можно ли их считать показателем и свидетельством "природной агрессивности половцев?" Так или иначе спровоцированными оказываются 10 набегов — в 1092, 1093, 1094, 1096, 1107, 1110, 1162, 1178, 1185, 1187 гг. и связаны с поддержкой русских родственников (вспомним: "Спрашиваси здоровья твоего, брат, а не велишь нам с силою придти?"), мстью за предательски убитых ханов, ответными выступлениями после русских "облав", целью которых был захват имущества и пленных, в основном женщин ("красных половецких девок") и детей. Думается, считать подоб-

ные набеги актом свойственной половцам агрессии нет никаких оснований. Чем же обусловлены остальные 12 походов — в 1105, 1106, 1116, 1126, 1155, 1165, 1172, 1173, 1174, 1177, 1190 и 1194 гг.? направлены они были только против торков и берендеев, осевших и живших в бассейне реки Рось в пределах Киевской земли. Их, если можно так сказать, грабительский характер достаточно очевиден, однако при этом следует учесть то обстоятельство, которое определило первое соприкосновение русских с половцами в 1056 г. — это исторически сложившиеся взаимоотношения половцев с торками. Всеволод Ярославич встретился с половцами после разгрома им торков, издавна враждовавших с половцами. Очевидно, разбив торков, русский князь выступил как естественный союзник половцев, но как только бежавшие из степей торки попросили защиты у киевского князя и были расселены по южным окраинам Руси, образовав линию военных поселений, ситуация сразу же изменилась. Если для киевских князей торки стали стражами южных границ и надежным союзником в борьбе с половцами, то для половцев они стали теперь беглыми подчиненными, рабами, которых надлежало вернуть в Степь и, конечно, заслуженно наказать. Более века половцы постоянно обращались к киевским князьям с единственной просьбой — отдать им торков и всегда получали отказ. Вот в чем причина длительного конфликта и многочисленных раздоров — за торков заступались киевские князья, в отличие от черниговских, неизменно проводивших провизантийскую, а следовательно, и антиполовецкую политику. Как свидетельствуют исторические факты, к концу XII — началу XIII вв. некоторая часть аристократии торков породнилась с половцами и "сваты" — половцы извещались о приготовлении киевских князей. Можно заключить, что "агрессивность" поло-

цев была направлена не против Руси, а исключительно против родственного тюркского народа, с которым у них были свои счеты, возникшие еще до прихода в Причерноморье в соответствии с традиционными воззрениями обитателей Великой Степи в эпоху средневековья. Еще вопрос — так в чем же, наконец, проявилась эта "постоянная агрессия" половцев против Руси, о чем неустанно твердили российские и советские историки? На поверку выходит — в 5 походах, два из которых косвенно были связаны опять-таки с торками, то есть только в трех, а именно: 1061 г. — когда имело первое столкновение половцев с русским войском; 1068 г. — когда объединенные силы русских князей — Изяслава, Всеволода и Святослава — были разбиты ханом Шаруканом, после чего сам хан был пленен Святославом под Черниговом; и 1071 г. — причины и обстоятельства которого не выяснены до сих пор. Вот, собственно, и все "агрессивные" действия половцев!

Небезынтересно отметить, что уже в 1068 г., возможно, был заключен союз между Шаруканом и Святославом Ярославичем, скрепленный первым русско-половецким браком. Вероятно, Святослав тогда женил своего сына Олега — родоначальника "ольговичей", на дочери Шарукана, сестре хана Атрака. С этого периода на протяжении всего последующего времени черниговские князья и донские половцы во главе с потомками Шарукана укрепляют дружеские и усиливают родственные связи, что, собственно, и составляла политику отмеченного выше "срастания" Руси и Степи. Без сомнения можно утверждать, что это была единственно правильная политика, как бы сказали сегодня, соблюдения национальных и межнациональных интересов народов. Достаточно сказать, что в силу своего геополитического расположения Русь

была открыта Степи и Востоку, к тому же союз с половцами для Руси был единственным гарантом национальной независимости от экспансии с востока, агрессии с Запада и колониалистской политики Византии с юга, если учесть, что для Константинополя половцы были не только идеологическими в силу "ересиархной" религии, но и политическими противниками. Киевским князьям, потомкам Всеволода Ярославича, "мономашичам", связанным родством с императорским домом и направляемыми греками — митрополитами из метрополии, надлежало отягчать силы половцев и сдерживать их от походов на византийские земли, участия и поддержки антивизантийских выступлений. Между походами половцев на границы империи, в Подунавье, антивизантийскими болгарскими восстаниями особенно в период становления Второго Болгарского царства, и походами русских князей в Половецкую степь, отчетливо прослеживается прямая связь.

Следовательно, выдвинутый и интенсивно использованный в идеологических целях рядом российских и советских историков тезис "половецкой опасности" абсолютно несостоятелен, и все, что они утверждали не подкреплено историческими фактами. Запустение и гибель земли Русской произошли не по вине "злых", "диких" соседей — половцев. С.М. Соловьев дал блестящую характеристику последнему князю Руси — Мстиславу Удалому: "...князь, знаменитый подвигами славными, но бесполезными, показавший ясно несостоятельность старой, Южной Руси, неспособность ее к дальнейшему государственному развитию: Южная Русь стала доживать свой век в бесконечных ссорах Мономаховичей с Ольговичами, Ростиславичей с Изяславичами...". Половцам не нужны были ни русские, ни византийские, ни города в

Закавказье и Персия, куда бы они ни шли, где бы ни воевали, они обязательно возвращались в родные степи, в свои становища и вежи, непременно прекращая даже активные военные действия при наступлении поры летних кочевков. Действительно, как пишет один из авторитетнейших исследователей истории половцев и Половецкой степи Д.А. Расовский: "С силами, значительно преобладавшими в численности своих союзников, русских, половцы не раз вступали в Киев, однако они никогда не пытались воспользоваться своим преобладающим положением, чтобы создать здесь свое государство... С Кавказа, из-за Балканских гор, из Киева и из еще более далекого Владимира-на-Клязьме половцы неизменно возвращались в причерноморские степи, и в этом отношении вошедшие в эпос слова одного из виднейших половецких ханов Атрака о том, что "лучше на своей земле лечь костями, нежели на чужой славным быть", могут служить эпиграфом ко всей двухвековой истории половцев...".

Итак, какой это был народ, что же это были за люди, половцы? Очевидно, чтобы почувствовать и понять, что же скрывается за обобщенным, зачастую абстрактным, понятием "народ" необходимо пристально взглянуть в лица, проникнуться судьбами людей, знать их повседневную жизнь, почувствовать материальную и духовную культуру народа, представить социально-экономические и политические реалии прошлого, с уважением отнестись к

традициям, отбросить ложные представления, которые направленно, долго и усиленно культивировали в нашем сознании. Тогда, и только тогда нам, отдаленным от половцев почти восемью-девятью веками, станут доступны и понятны их идеалы, национальные особенности, мировоззрение и отношение к окружающему миру, характер взаимоотношений с соседями. Целостную, полную картину их жизни трудно составить на основании рассмотрения и анализа отдельных разрозненных сведений, да, и подобная попытка, насколько можно судить по имеющимся данным, не была предпринята исследователями. Если и предположить, что будет собрана вся связанная с половцами информация, то и тогда, думается, будут воссозданы отдельные локальные фрагменты огромного полотна, историко-этнографического панно. Так уж повелось, в соответствии с установившимся стереотипом мышления, половцев относят к типичным монголоидам и изображают скуластыми, косоглазыми (с эпикантусом), черноволосыми и желтолицыми. В таком виде они предстают повсюду, где речь идет о них — в исторических научных трудах, научно-популярных и художественных произведениях и иллюстрациях в них, на экранах кино и телевизоров, на театральных сценах и т.д. Однако — это огромное заблуждение и непростительная историческая ошибка, ибо половцы — турки, и потому уже, как установлено антропологической наукой, европеоиды. Что удивительно — в тех случаях, когда археологам все же удастся однозначно идентифицировать половецкую принадлежность погребений, то антропологи по уникальному методу М.М. Герасимова восстанавливают по черепам останков захоронений XII—XIII вв. облик людей, так называемого средиземноморского типа — тонкий с горбинкой нос, с высоким лбом, нормальными ску-

лами и выраженным энергичным подбородком. Антропологические определения скелетов дали интересную информацию: черепа половецкого времени в основном практически не отличаются от, скажем, болгарских черепов, так называемого "эливкийского типа" — это те же брахикранные (круглоголовые) европеоиды с незначительной примесью монголоидности. Иными словами — половцы в антропологическом отношении относятся к классическому типу населения Южной Европы, каким он нам известен по погребениям эпохи бронзы Восточной Европы на огромном пространстве евразийских степей и равнин от Дуная до Прибайкалья, по сохранившимся прекрасным мраморным бюстам Древней Греции и императорского Рима и, наконец, по современному населению Балкан и Подунавья. В этом, в общем, нет ничего удивительного, поскольку половцы, как было сказано, относятся к тюркоязычной семье народов, а древние турки всегда славились красотой лица и внешности. Об этом свидетельствуют различные источники, и в том числе упоминавшиеся выше половецкие скульптуры — каменные изваяния. Время не пощадило их лица, еще больше они пострадали от религиозной нетерпимости ко всевозможным "идолам", и в меньшей степени от обусловленного этим вандализмом простого населения — и тем не менее можно часто увидеть красоту мужских и женских лиц, переданные иногда в несколько условной, стилизованной манере. Это в значительной степени обусловлено тем, что пористый грубый известняк не был идеальным материалом и не способствовал тонкой моделировке и пластике лиц, и в силу этого скульптор-резчик прибегал к приемам стилизации изваяния. Хотя во многих изваяниях, возможно, и было заложено определенное портретное сходство, осо-

бенно в случае очень тщательно выполненных образцов, однако в задачи половецкого скульптора входило не портретная схожесть, а, повидимому, детальное изображение костюма, выполненное с поразительным мастерством.

О красоте половцев, и конечно, в первую очередь половчанок, сохранились, к счастью, кроме каменных и другие свидетельства. Так, красота и привлекательность дочери упомянутого половецкого хана Атрака Гурандухт, ставшей женой грузинского царя Давида Строителя, как отмечают хроники, не уступали красоте грузинских придворных дам и жесцин родовой и феодальной аристократии. Гениальный азербайджанско-персидский поэт средневековья Низами Ганджеви, женившийся на половчанке, воспе-вал красоту женщин этого народа и часто использовал метафорические сравнения для характеристики совершенства, используя живописания красоты лица и стана половецких девушек и т.д. Как не сказать о эпитете Кончаковны, племеницы красавицы Гурандухт — "красная девка", который употреблен в поэме "Слово о полку Игореве" по отношению не только к ней но и вообще к половчанкам. Выразивший наивысшее восхищение автора "Слова...", этот эпитет применен им только к половчанкам и нигде больше не употреблен в отношении представительниц прекрасного пола других народов, не исключая и русского.

Общезвестно, что антропологический облик, который согласуется с установившемся и привычным стереотипом или, напротив, находящийся в противоречии с традиционными представлениями и канонами красоты, является одним из важных в межетнических контактах и взаимоотношениях. Проявление ксенофобии, предубежденной боязни нового, неприятие всего "чужо-

го", не говоря уже на религиозной основе, но и в общечеловеческих отношениях, могут стать, и в наши дни вольной или невольной помехой в нормальном общении народов и людей. Тогда, в далеком прошлом этот фактор играл несравненно большую роль, но в рассматриваемом случае, как можно видеть, серьезного препятствия не возникало. Думается, облик и внешность половцев, и, конечно, в первую очередь половецкой родоплеменной аристократии в полнейшей мере соответствовали эстетическим вкусам и представлениям славян, грузин и населения Подунавья, Карпат. Красота половецких мужчин и юношей, как отмечает А.Е. Крымский, признавались на Ближнем и Среднем Востоке, в частности в мамлюкском Египте, с которым в XIII—XIV вв. Крым имел тесные культурные и экономические связи. Причиной тому были характерные черты половцев, которыми они в преобладающей своей массе выделялись из остальных тюркских народов и племен. И эти черты, как это часто бывало в истории, определяли самоназвание (этноним) половецкого народа. Половцы сами себя называли, наряду с "сары куун(м)", "кузанами-кубанами" и "кунами ("сары кум") восходящими к древнетюркскому слову "куум, куув" — лебедь, который лежит в основе целого семантического гнезда слов: "белый", "светлый", "белокрылый" и вообще "лебедь". Самоназвание половцев не связано с тотемическим предком, поскольку наукой каких-либо следов тотемизма не выявлено, а обусловлено тем названием, с которым эти "благородные странники" причерноморских степей вошли в историю восточно-европейских народов, своих соседей. Представляет несомненный интерес, что древнетюркские слова "кум", "куув", "куу", "ков" являются базой и компонентом многочисленных

ро-до-племенных названий древних и современных тюрских этносов: "куман" — название племени гуннского этноса; "куманды-кубанды (кыши)", "куманку" (кыпчаки); "кумый, кумлы" (средневековые башкиры); "кум, кумкали" (туркмены-теке, эрсары); "кумок (казахи—туртуул); "кумрук, кумрук-табын" (башкиры); "кумук" (ногайцы); "кумук—арыкуз" (уйгуры); "куу, куу—кижи" (алтайцы); "куулар" (средневековое племя); куусек, куу сёок, куусiek (казахи—жетыуруу, киргизы—моголдор); "коваджи" (турмены—чандыр); "ковалы" (киргизы—кыпчак); "кован" (узбеки—кыпчак); "ковли" (туркмены—чекли, номут); "ковчак" (киргизы—саруу), "кува" (узбеки—кунград); "кува" (киргизы—черик); "кувакай, куу—кши" (башкиры—табын); "кунтай, кунчин" (средневековые татары); "куйик" (каракалпаки—ктай); "куй—колак" (узбеки—кыпчак); "куйын (каракалпаки—кандекли, кыпчак). Мы привели столь пространный список, чтобы показать большую древность и распространенность древнетюркской основы в качестве этнонимов.

В крымскотатарском языке есть слово "къув—къуу" — лебедь, которые используется, как правило, в словосочетании акъкъув", означающем "белый лебедь", и "куман" есть стяженная форма "къувман", означающая "относящийся к лебедям", "лебединый", "лебединый человек". Интересно отметить народность на Алтае, этноним которых "куу кжи", переведенный на русский, прямо свидетельствует о связи с названием "лебедь" — "лебединые люди, лебедины". Любопытно, что бытующее в крымскотатарском языке слово "къымрал", например в сочетании "къымрал къалпак" или "кок къымрал" — светло коричневая с серебристым отливом (типа "аттика") каракулевая шапка или серо голубой цвет, явно

восходит к основе "къым—къум—къув". Очевидно, к более позднему времени относится выражение "къуубаш—къувбаш" — "глупый, пустоголовый, видимо, первоначально означавшее "лебединоголовый", для этнической характеристики, а затем, как бы иносказательно, размера головы для обоснования глупости человека, и впоследствии "къуу, къувуш" — "пустота". Вообще с названиями животных и птиц в сочетании с определенными словами связаны этнонимы многих народов, например башкир ("боз курт" — серый волк, и как тут не вспомнить вызвавшее большой интерес и не социальные исследования словосочетание "босый волк" в "Слове о полку Игореве"); казах (по одной из этимологических версий "каз-ак" — белый гусь, лебедь).

Сказанное позволяет вернуться к тому, что русские князья постоянно посылали за помощью "ковуем своим". Этот оборот, орфографически неправильно оформленный летописцем, не понятый поздними переписчиками породил мифическое племя "ковуев". В действительности это не мифическое племя, а те же половцы, только летописец попытался использовать самоназвание — этноним половцев, принятый среди степных этносов: "куув", "къов"; къуу—къуву—къу — ковуи—коуй в русском произношении и оформлении: во множественном числе и дательном падеже: кову(й)ем—ковуям. Летописцу следовало бы писать: "к(о) ковуем—к(о) кову(й)ем—к(о) кууем", что означает "к лебедицам (своим)". Графические особенности обусловлены тем, что славянская кириллица не была достаточно хорошо приспособлена для передачи тюркского вокализма и консонантизма, в силу чего в некоторых случаях одна славянская буква используется для двух тюркских фонем. Что очень примечательно, и это особо отмечает

Д.А. Расовский, немецкое слово "фальбы", венгерское "палоць", польское и чешское "плавцы", армянское "хардеш", русское "половец, половцы", а также фалоны, палиди, фулаги определяют один и тот же цветовой оттенок — "соломенно-желтый", "золотистый", "белокурый", а в общем "светлый", — характеризующий не цвет кожи, а волос куманов. Природная закономерность — пигментация волос связана и с определенным цветом глаз. Как было упомянуто, в отличие от остальных черноволосых и кареглазых (темноглазых) тюрок, например печенегов и торков (гузов), белокожие половцы представляли со светлыми, голубыми глазами, окаймленными золотистыми (различного оттенка шатеновыми, переходящими в рыжие) волосами, очень поражая и удивляя ино-племенников — черноволосых и смуглых грузин, придубайских болгар, приднепровских славян и других. "Людьми с белокурыми волосами и голубыми глазами" — так пространно названы половцы в китайских хрониках, и подобное характерное "цветочное сочетание" половцев, восхищавшее современников как в Центральной Азии, так и в Восточной Европе, является для исследователей этнической истории своеобразным "генеалогическим сертификатом", способствующим увязать этногенез половцев с загадочными даяливами ("белой расой Центральной Азии") древних китайских хроник и в свою очередь через посредство их с представителями названной в археологической науке "афанасьевской культуры", чьи могильники III тысячелетия до н.э. были открыты в Прибайкалье.

Ретроспективный взгляд в древнейшее прошлое, совпадающее с периодом существования цивилизации Древнего Египта и Месопотамии, позволяет представить половцев в необозримом

океане времен как потомков древних индоиранцев или индоевропейцев — "арийцев", которые были вытеснены из Азии мощной экспансией монголоидных народов. Некогда "отюркизованные" динлины покинули свою древнюю историческую родину, в силу обстоятельств сменили язык, и, в конечном счете мощный общетюркский поток, обусловленный целым рядом политических, экономических и климатических факторов, вынес на берега Черного и Азовского морей, в Северное Причерноморье остатки когда-то сильного, могущественного и многочисленного, но уменьшавшегося и растворявшегося среди других светловолосого народа. В этой связи заслуживает внимания отмеченный Л.Н. Гумилевым факт. Тот антропологический тип, который мы называем монголоидным, был свойствен именно татарам, как и язык, который мы называем монгольским. Древние монголы были, согласно свидетельствам китайских летописцев и находкам фресок в Маньчжурии, народом высокорослым, бородатым, светловолосым и голубоглазым. Облик в XII веке, и тем более современный, их потомки приобрели в результате смешанных браков с окружавшими их многочисленными низкорослыми, черноволосыми и черноглазыми племенами, которых соседи собирательно называли "татары". Невольно приходит мысль — большое число крымских татар имеют светлые волосы ("сарышын" — желтоватые) и глаза, что наверняка связано с средневековыми предками — половцами, и нет особых оснований относить их облик исключительно к влиянию готов. Жители селения Кок-коз (ныне невзрачно-абстрактное "Соколиное"), многих горных селений отличались светлой "гаммой" глаз, что оправдывает народную, и в общем-то прозрачную, этимологию топонима — "голубой", "светлоголубой глаз", то есть

"селение в котором жители имеют такой цвет глаз". В крымскотатарском языке есть слово "эля", которое используется исключительно в сочетании со словом "кӧз" — "эля кӧз" в значении "светлые, светло синие, голубые глаза", и является эталоном красоты глаз, используется в качестве эпитета, выражающего наивысшее восхищение не только в поэзии и высокопарной, но и бытовой речи. В силу этого нередко "эля кӧз" означает "прекрасные глаза". Это сочетание широко бытует и в песенном фольклоре крымских татар, есть лирическая песня "Эля кӧзлюм" ("Моя голубоглазая, светлоглазая") и ряд музыкальных вариаций на слова многочисленных до первой четверти XX века южнобережных "мани" — кратких стихотворных форм.

Необычному облику половцев подстать и их черты натуры, психологическая характеристика, которая дается разными средневековыми авторами. Персидский историк Раванди писал сельджукскому султану Кай—Хусраву в 1192—1196 гг.: "... в землях арабов, персов, византийцев и руссов слово (в смысле превосходства — С.И.) принадлежит тюркам (кыпчакам — С.И.), страх перед мечами которых прочно живет в сердцах" (соседних народов — С.И.). Еще в середине XI в. газневидский чиновник Ибн—Хас-суль в своем трактате перечисляет "львиноподобные качества" тюрков: смелость, преданность, выносливость, отсутствие лицемерия, нелюбовь к интригам, невосприимчивость к лести, гордость, свобода от противоестественных пороков, и ... отказ выполнять домашнюю ручную работу". Египетский историк первой половины XIV в. Аль-Омари с высокомерием аристократа арабского мира подчеркнуто сообщает о простоте нравов половцев в повседневном быту, но речь его резко изменяется как только он касается

внешних качеств и природных черт и характера: "Тюрки эти — один из лучших родов тюркских по своей добросовестности, храбрости, честности и совершенству своей фигуры и благородства характера". Он же сообщает: "В древности это государство (Золотая Орда — С.И.) было страной кыпчаков, но когда им владели татары, то кыпчаки сделались их поданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кыпчаками) и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кыпчаки, как будто они одного (с ними) рода; оттого, что монголы поселились на земле кыпчаков, вступили в брак с ними и остались жить на земле их...". За кыпчакским в основном населением Дешти-Кыпчак в XIV в. закрепилось имя "татар", как их называют русские летописи, а также некоторые арабоязычные и персидские авторы, например упомянутый Аль-Омари Рашид ад-Дин. Вместе с тем показательно, что Ибн-Баттута, побывавший в Орде в середине XIV в. все время подчеркивает, что население Орды составляют тюрки. Испанец Педро Тафкар, как и Аль-Омари, высоко отзывается о врожденной честности и верности рабов-половцев, при этом он замечает, что "ни один из них никогда, ни при каких обстоятельствах не предавал своего хозяина".

Конечно, все, что мы можем сказать сегодня о половцах — это лишь отдельные, зачастую случайные, иногда косвенные факты их долгой и богатой, прекрасной и отчасти трагичной истории, и можно надеяться — когда-нибудь она будет написана на основании комплекса собранных воедино археологических и антропологических исследований, сообщений, известий и описаний, содержащихся в арабских, персидских, китайских, византийских,

тюркских и европейских источниках. Но в одном можно быть твердо уверенным — половцы вовсе и далеко не походили на "цыган" или примитивных кочевников, кочующими в характерных для них простейших кибитках и крытых повозках беспорядочным образом по степным просторам, как это пытаются представить. Их не сравнить с казахами, киргизами, калмыками и некоторыми кочевыми родами туркмен, какими достаточно полно их описали путешественники, дипломаты, и этнографы после присоединения их земель к России в XIX в. Разумеется половцы были на гораздо более высоком уровне культурного и общественного развития и применительно к ним в отличие от современных им печенегов и торков, можно говорить об определенном устойчивом государственном образовании с развитой социальной структурой степного общества, наследственной властью ханов, достаточно высокой материальной и духовной культурой, включая, естественно, и письменность. Очевидно, без этого не могло быть и речи о тесном сближении русских и половцев, о своеобразном симбиозе двух народов, и, более того, по Л.Н. Гумилеву — о представлении Древней Руси и Великой степи в XII—XIII вв. как полицентрического суперэтнического образования, и, наконец, о воздействии культуры половцев на окружающие народы, с которыми они вступали в политические, культурные, общечеловеческие контакты. В свою очередь материально-духовная культура половцев подвергалась воздействию со стороны соседних стран и народов.

О том, насколько в ряде случаев было мощным и поразительным по своей яркости влияние культуры половцев свидетельствуют материалы архива средневековой армянской колонии в Камен-

нец-Подольске; многие члены которой были выходцами из Крыма. Относящиеся к началу XIV — концу XV вв. сохранившиеся документы — юридические и деловые бумаги общины записаны буквами армянского алфавита, но на половецком языке. В Подолии, в этой колонии, оторванной от повседневного общения и систематических контактов с армянским миром за два века общения с половцами (XIII—XIV вв.) армяне, сохранив свою армянскую письменность, сменили свой язык не на славянский, а на половецкий (кыпчакский). При этом конфессиональная особенность половцев не оказала какого-либо влияния на процесс слияния их с армяно-григорианской общиной, чему вероятно, способствовало армяно-тюркское двуязычие переселившихся в Каменец-Подольск крымских армян. Вообще-то полная утрата родного языка, языка исторической родины, с сохранением своего алфавита явления не столь уж редкое. Однако, в основе их лежали не только экономические и культурные взаимоотношения, как например, в случае карзимов, крымчаков Крыма, бухарских евреев Средней Азии, отюркизованных китайцев-дунган Синцзяна, гагаузов Болгарии и др.

Все смешанные браки между русской и половецкой аристократией рассматривались в основном с точки зрения союзнического единения. Лингвистическая ситуация с каменец-подольской армянской общиной вызывает необходимость с иных позиций подойти к смешанным бракам, поскольку каждый подобный контакт приводит и способствует мощному взаимовлиянию культур, охватываемому достаточно многочисленными коллективами на всех социальных уровнях. Сугубо родственные связи на первых порах сменяются впоследствии обоюдными интенсивными заимствова-

ниями опыта, знаний, обычаев и элементов духовной культуры, иноязычных слов и их сочетаний. Последний фактор при неизменном воздействии других, обогащая активный лексический пласт, способствует появлению в дальнейшем бытового двуязычия. Проблема двуязычия была предметом серьезного анализа в ряде работ видного специалиста по алтайской филологии, истории Киевской Руси и русско-половецких отношений О.И. Прицака, в частности, в исследовании тюрко-славянского двуязычного граффити XI столетия из собора Святой Софии в Киеве. Это граффити N 153, нанесенное на фреску святого Онуфрия, надпись выполнена двойной линией, напоминающей некоторые тексты, датированные второй половиной XI в., как в Изборнике Святослава (1073 г.), Архангельском евангелии (1092 г.). Как отмечает академик О.И. Прицак, значение граффити из собора св. Софии Киевской для филологии и истории культуры состоит в том, что оно является единственной тюрко-славянской двуязычной надписью средневековья. О двуязычии с достаточной убежденностью писал О. Сулейменов в своей недоброжелательно принятой по понятным причинам книге "Аз и Я", пытаясь "найти доказательства в "Слове...", однако, нельзя согласиться с мнением, что "пример был выбран им не очень убедительный"! Наличие в древнерусской поэме большого числа тюркских слов, если не свидетельствует о двуязычии, то, во всяком случае, говорит об эрудиции летописца, знании им половецкого языка и понимании читателями используемых им тюркских лексем и образных выражений. Следует отметить успешную попытку О. Сулейменова этимологизации многих слов, восходящих к тюркской основе. Вместе с тем, трудно принять ряд этимологических изысканий, что, вероятно, обусловлено попыткой этимологизировать с привлечением

только тюркских корней слов без учета заимствований в половецком из других языков. В качестве примера можно привести слово "пардош" — иранское слово, означающее "блестящий, сверкающий", которое употребляется в крымскотатарском языке в сочетаниях — "пардош (мышык)", "пардош козлер" в значениях — кот (кошка) с горящими (крупными) глазами, вообще — "крупные, светящиеся глаза". Таким образом, начало заимствований тюркских слов и формирования тюркского лексического пласта в русском языке, продолжавшегося в золотоордынское время, было положено в половецкий период. Тюркские заимствования в русском языке являются самостоятельной проблемой и были предметом серьезных исследований целого ряда крупных российских, советских и зарубежных языковедов-тюркологов.

Выше упоминалось, что дети русских князей могли воспитываться в Степи, у половцев, среди половецкой аристократии, а дети последних — при дворе русских князей. Известно, что причиной острейшего конфликта в 1095 году между Владимиром Мономахом и Олегом Святославичем был отказ черниговского князя выдать киевским князьям сына хана Итлара, воспитывавшегося при дворе князя Олега, после того, как Мономах предательски, не по чести князя, заманил к себе под предлогом миролюбия и убил его отца-хана, пришедшего для заключения мира. В этой связи отметим, что историография крымских ханов полна примеров воспитания (институт "аталыка"), сыновей ханов и влиятельных лиц у черкесов, как тогда собирательно называли горские народы Кавказа, и, напротив, сыновья предводителей подвластных и дружественных горских народов вместе с сыновьями глав родов и общины и сопровождающими их горцами с семьями в течение

многих лет жили в Крыму под попечением ханов и доверенных лиц не только в Бахчисарае, но и в специальных селениях, в названиях которых просматриваются кавказские истоки, например Теберти (Теберда), Черкес-Кермен и др. Обычай воспитания сыновей королей, князей, герцогов и рыцарей в аристократических семьях дружественных королевств, княжеств, герцогств или в семьях подвластных вассалов был широко распространен в средние века в Западной Европе как обязательная и неотъемлемая часть воспитания рыцарей. Констатируя этот исторический факт, вместе с тем трудно ответить на вопрос, и тем более понять — почему феномен рыцарства (морально-этический кодекс военной аристократии в одном из его Жизненно-практических проявлений) естественным образом связывается и ассоциируется с Западной Европой, не принимая во внимание Восток и Древнюю Русь. Государственность и общество Древней Руси до нашествия монголов развивались, как сейчас сказали бы, в русле и рамках западноевропейских понятий, представлений и традиций. Действительно, нельзя не согласиться, что древнерусская юрисдикция и правовые положения в виде "Русской правды" по структуре и сути подобна "правдам" европейских стран; экономическая база института церкви с классической "десятиной" "пришли" из Византии и Рима; взаимоотношения князя и "града", господина и "земли", феномен общегородского "веча" с колоколом — все это имеет прямые аналогии на западе Европы. Отсюда можно заключить, что сходным был, вероятно, и институт рыцарства, закамуфлированный от нас, далеких потомков, такими древними терминами, как "дружина", "отроки", "детски", "ратники" и др. Более того, и это не вызывает у многих исследователей-медиевистов и ориенталистов сомнения, что нет оснований связывать рыцарство

исключительно с Западной Европой. Напротив, имеются веские доводы в пользу того, что институт рыцарства — "пришелец" с Востока, где каноны рыцарства, морально-этические нормы соблюдались с несравненно большей строгостью и пунктуальностью, чем на "просвещенном" европейском континенте. Подтверждением тому — Крестовые походы рыцарей-крестоносцев, сопровождавшиеся не-виданными по масштабу вандализмом и жестокостью, когда все представления о чести, морали и нормах элементарного человеческого поведения были напрочь отброшены в сторону "аристократами" в доспехах даже на Святой земле.

Одним из столь ранних путей-направлений проникновения института рыцарства в Европу на протяжении IX—XIII вв. можно считать Пиренейский (Иберийский) полуостров в период арабской экспансии и возникновения мусульманских султанов на территории юга современной Испании, объединенных общим названием Кордовский Халифат Аль-Андалус. Длительное пребывание арабов на полуострове, характеризующееся в основном мирными отношениями с католическими княжествами, которые периодически нарушались военными столкновениями с участием соседних государств, привело к формированию замечательной испано-мавританской синкретической культуры, поражающей и по сей день оригинальностью и неповторимостью, и чудесным образом вобравшей в себя элементы Запада и Востока. И конечно, кодексы чести, достоинства и нормы морали и этики, высоко чтимые и соблюдаемые как непреложные нормы арабами и арабизированными берберами, естественно, не могли быть невосприимчивыми народами Пиренейского полуострова и соседних стран.

Надо полагать, более строгое соблюдение законов рыцарства было органически свойственно половцам — этим в подлинном смысле слова "аристократам степей". Они создавали свои оригинальные, не имеющие аналогов у других народов, "города", которые могли длительно передвигаться и под солнцем, и под звездами, независимо от времени суток. Архитектурными составляющими таких "городов" были "дворцы и дома на колесах": на огромных, прочно скрепленных деревянных платформах, которые тащили несколько десятков быков, устанавливались большие жилые юрты с богатым внутренним убранством, и более простые для домашней утвари, провизии, запасов, материалов для обмена (кожа, шерсть, войлок, изделия из них и др.). Половцы пользовались как стационарными на летних стойбищах, так и "передвижными" своеобразными "баними-парилками", изготавливаемыми по типу "миньюрт" и шатров, в которых была предусмотрена возможность создания пара путем обрызгивания нагретых речных камней. Подобные "парилки" ("бувлама", "бувлак") помимо санитарно-гигиенических, применяли и для профилактических и лечебных целей при различных заболеваниях. Вот для профилактических и лечебных целей при различных заболеваниях. Вот что писал арабский путешественник Ибн-Баттута, будучи в ханской ставке Золотой Орды в первой половине XIV века: "Мы увидели большой город, движущийся со своими жителями; в нем мечети и базары, дым от кухонь, расстилающийся по воздуху, потому, что они варят еду и во время самой езды". Такими были упоминаемые в "Слове о полку Игореве" "телеги", скрип от деревянных колес которых далеко разносился над бескрайней ночной степью. Заметим, что половцы Северного Причерноморья имели

и настоящие крупные поселения и города, возникавшие и строившиеся в выбираемых для резиденции и ханских ставок местах, на оживленных перекрестках торговых путей, у слияния рек и вблизи морского побережья. Они заселялись торговцами, ремесленниками, вокруг них оседали пришлые земледельцы и сами половцы, переходя на оседлый образ жизни. Возникали прекрасные сады и виноградники. Убедительная иллюстрация этому — половцы в Крыму.

Как и у других народов средневековья, особенности культуры половецкого народа определялись "кочующий степной аристократией". Несомненно, своеобразие, специфика их жизни, истории и культуры сказались на психологии и мировоззрении половцев, отношении к окружающему миру и иноплеменникам. Очевидно, нет необходимости идеализировать половцев, в равной мере как и русских и другие народы, но чтобы не оперировать со стереотипными их характеристиками, не упрекать в делах, в коих они не могут быть повинны, надо, как уже говорилось, отречься от штампов и вредной, въевшейся по причине многолетних "вбиваний" в наше сознание предвзятостей. Мы должны исходить из того, что как в любой другой полукочевой народ, ведущий и живущий в основном натуральным хозяйством, торговлей скотом и продуктами животноводства и, как говорят, "живым товаром", половцы рассматривали набеги как естественное явление и относились к ним как к нормальному образу жизни. В средневековом феодальном обществе как в Европе, так и на Востоке война была одним из своеобразных "способов производства", поскольку добыча, добытая и захваченная в бою, помимо меры богатства, еще определяла и достоинство воина, его положение в структурах

общества и авторитет, и по канонам той эпохи обеспечивала ему права распоряжаться жизнью и имуществом побежденного. Логика "права сильного", являющаяся важнейшей несущей опорой в конструкции феодального общества, достаточно проста: раз воин, начиная битву, рисковал жизнью, то, следовательно, добыча становилась платой — "эквивалентом" за риск. Следует особо подчеркнуть, что русские князья, германские и венгерские феодалы, французские, итальянские, испанские и английские сеньоры, герцоги и рыцари оказывались в том отношении несравненно менее этически воспитанными и культурными, чем восточные, степные половецкие аристократы, возвращенные на уважении, достойном отношении к противнику.

Вплоть до настоящего времени историки-медиевисты и специалисты по евразийскому номадизму, за редким исключением, традиционно, как бы по инерции, смотрят на кочевые и полукочевые этносы глазами занимающихся земледелием, ремеслами и торговлей оседлых народов, и при этом, конечно, всецело разделяя их антипатии и предубеждения относительно их образа жизни и деятельности, ставшие стереотипами мышления и взглядов. Нам, потомкам, следует радикально изменить устоявшиеся представления и принять, что с чрезвычайно важной экологической точки зрения половцы очень естественно вписывались в окружающую их природную среду, гармонично существовали в своей "экологической нише", чего не скажешь о земледельческих народах, которые необратимо воздействовали на среду обитания, перестраивали и, тем самым, разрушали ее. Соблюдение хозяйственного цикла, сезонного календаря в полукочевой жизни половцев было важнее и значимее всех военных набегов и побед, ибо осно-

вой жизненного благополучия всего рода, всего племени был скот и все, что связано с его сохранением и воспроизводством. В связи с настоятельной необходимостью перекочевки, смены пастбищ, совершаемые в строго определенные сезоны и предохраняющие пастбищные пространства от потравы и вытаптывания огромными поголовьями крупного и мелкого скота, что является, как сказали бы сейчас "экологически безопасным способом хозяйствования", обуславливали поразительные ситуации, выражающиеся в том, что, участвуя в осаде какого-либо города, половцы при явных признаках его сдачи в течение ближайших двух-трех дней, невозмутимо могли собраться и уйти обратно к себе в степи. Подобная картина неоднократно происходила, например, в Придунавье, где, как говорилось, половцы систематически помогали болгарам в борьбе против Византии за их освобождение. Несколько раз царствующим братьям Асеня приходилось прекращать успешную осаду византийских крепостей лишь только потому, что половцы не могли больше задерживаться из-за наступающего сезона скота и перегона своих стад, с которыми не могли управиться оставшиеся с ними в кочевьях старики, женщины и дети. По вполне понятным половцам причинам никакие уговоры и просьбы не могли изменить принятого ими решения в силу жизненной важности возвращения в кочевья и стойбища. С точки зрения оседлого этноса — подобные действия можно расценить как "легкомыслие", и в этом отношении половцы походят на отдаленных от них почти полуторатысчелствем скифов в легендарном, но забавном рассказе "отца истории" Геродота, когда персидский царь Дарий (Дарьявух) добился того, что скифы в результате уговоров решили, в конце концов, принять сражение, и перед боем между

выстроившимися войсками вдруг откуда ни возьмись появился мчащийся заяц. И скифы, все как один, будто по команде, с детской естественностью, бросились за зайцем в погоню, совсем позабыв о ... своих врагах — персах и о ... предстоящем сражении с ними.

По мнению ряда историков, в частности А. Никитина, анализ византийских и других источников наводит на мысль, что в общем-то половцы не стремились к регулярным, длительным, кровопролитным и изнурительным войнам и сражениям, они предпочитали стычки, быстрые маневры, всевозможные тактические приемы, легко и без сожаления отказываясь от разгрома противника, при условии, если это сопряжено с большими жертвами с обеих сторон. Одним словом — они не жертвовали своей и чужой жизнью ради иллюзорного, сомнительного успеха, видимого, показного престижа, с большой легкостью "избегая крови", показывали свои "спины" и "хвосты коней", что дало основание Л.П. Гумилеву упрекнуть половцев в нестойкости и частых уходах от прямых столкновений. Вообще-то создается впечатление, что война, набег и военные стычки были для половцев своего рода охотой, "удальством", методом поддержания формы, хотя как следует из исторических сочинений, в случае серьезной необходимости они могли стоять насмерть, показывая приемы стойкости и выдержки. Так было, в частности, в решающем сражении с турками-сельджуками при грузинском царе Давиде Строителе, при Адрианополе в 1205 году, когда, придя на помощь болгарскому царю Калояну, наголову разбили превосходящих по численности и хорошо вооруженных крестоносцев и остановили их продвижение на Русь. Так было и при битве на Калке, когда половцы

в русско-половецком войске до конца сражались с монголами и были практически полностью уничтожены. Половцы сами никогда не вели длительных осад, если не считать одного случая, опять-таки с торками, не брали города, хотя, естественно, и были склонны и способны на набег — "баскын". Описанные в летописи появление у них некоего "гречанина", знавшего секреты создания "живого огня", на что обычно ссылаются многие историки как на подтверждение желания половцев "попленить и пожечь русские города", — выглядит как недоразумение, поскольку "гречин" с легкостью был отдан ... русским.

Непредвзятый анализ событий и известий русских летописей о взаимоотношениях с половцами приводит к парадоксальному, не вписывающемуся в традиционные представления русских, заключению — "дети степей" в своих действиях, поведении и помыслах, поступали словно "взрослые дети". Они были по-детски наивны, доверчивы к русским князьям, к тем, кто многократно нарушал договоры, обязательства и соглашения, не сдерживал своего слова, кто убивал заложников, послов и ханов, заманив к себе под благовидным предлогом, "гостей с братию", кто нападал на их кочевья и стойбища, когда в них находились в основном женщины, старики и дети. Однако напрасно было бы искать обратные примеры — в морально-этическом кодексе "детей степи" не было места коварству, подлости, обману, порочащим честь и достоинство половца независимо от его социального статуса. Основное правило игры "степных рыцарей" — это брать пленников с тем, чтобы затем их отпускать за выкуп, предоставляемый семьей пленника, сообществом горожан или селян. Поскольку пленные — это был своего рода капитал, богатство, то

обращение с пленными было соответствующим образом гуманным. Описаны случаи, когда захваченные в плен простолюдины просили своих хозяев разрешить им остаться с ними и принять их в члены большой семьи или рода.

Выше отмечалось, что кодекс поведения восточных, в том числе половецких, рыцарей был более абсолютизирован и соблюдался гораздо строже, чем у рыцарей Западной Европы и аристократов Руси. Князья, ханы, даже шахи могли быть убитыми в жестоком сражении и жуткой схватке, но смерть их была бы случайной или обусловлена личными качествами в борьбе с достойным противником. Рядовой воин не смел поднять меч или копье на благородного, на аристократа, более того, он даже не был вправе его пленить, ибо в противном случае он мог поплатиться своей жизнью. Об этом свидетельствуют средневековые историки и писатели, описывая схватки с крестоносцами в Палестине, византийцами на Балканах, русскими при совместных русско-половецких походах. Сведения об этом имеются в грузинской поэме "Амирандареджаниани", относящейся к XI—XII векам. Очевидно, подобные правила лежали в основе поведения половцев и на русских, и на крымских землях, будь то приход в гости к своим русским родственникам или отправления в далекие кочевья, нависно полагавших, что хозяева — "конакбай" следуют тем же этическим правилам. Вот где причина того, с какой легкостью киевские князья убивали половецких ханов, полностью захватывали их стада, семьи, опустошали вежи, оставшиеся без серьезной охраны на время продолжительного отсутствия мужчин. Что же касается половцев, то они вели себя иным образом, о чем могут говорить многочисленные свидетельства их пребывания во Вла-

димирском Ополе и Ростове Великом, где до наших дней сохранились топонимы " Половцы ", " Половецкое ", " Итларь " и др. Кстати и в самом Боголюбове, резиденции владими́ро-суздальских князей, теснейшим образом связанных кровным родством с Половецкой степью, за строками летописей отчетливо просматриваются степняки-половцы, торки, берендеи аланы, черные клобуки, которые селились в пограничных зонах или оказывались окруженными русскими в результате так называемой " ползучей экспансии ".

Возвращаясь к проблеме " контактов ", следует говорить не о " контактах ", понятии, не отражающем природу и характер взаимоотношений половцев с русскими, а о государственном образовании, в котором оба компонента экологически достаточно совместимы. Еще раз заметим что, к концу XII века Русь и Половецкая степь являли собой как-бы единое образование, которое причудливо и вполне закономерно было переплетено и пронизано многочисленными нитями родственных, дружеских, политических, экономических и, конечно, культурных связей, то есть образование, по нынешней терминологии — интернациональное, подобно тому как была интернациональна и сама Русь XI — XIII веков. Вот эту особенность Руси того времени, да и можно сказать Руси последующих веков, включая и современную Россию, подчеркнул один из первых ее историков: назвав многочисленные и различные народы и племена, участвовавшие в сложении и формировании Руси и этногенезе русских, он завершил этот перечень значительными по смыслу словами: " ... яже ныне зовомая Русь ". По существу эту же мысль, поддержанную Л.Н. Гумилевым, высказала в одной из своих обзорных статей

С.А. Плетнева, где она в один ряд с другими древнерусскими княжествами поставила и " Половецкую землю ".

В этой связи, в дополнение к сказанному ранее, обратимся к еще одному примеру мощнейшего воздействия " половецкой степной культуры " на духовную культуру Руси, русского народа. Почти два столетия внимание ученых, историков, этнографов, писателей, поэтов, художников и других деятелей культуры привлекает русский былинный эпос, в котором открываются и воспоминания о затерянных в глубине тысячелетий архаичных обрядах инициаций, и дошедшие до нас пережитки общинно-родового строя, и борьба патриархата с матриархатом, и осязаемые отголоски язычества и времен дружинного быта древней Руси. В конечном счете, в былинах, больше всего так называемого " владиминова цикла ", сюжеты которых вообще-то связывались с Киевом, а на поверку оказываются, что они ... из Половецкой степи. Примечательно, что захватывающие подвиги героев былин, русских богатырей-рыцарей совершаются и происходят не в глубине и чащах лесов, не в мелколесье перелесок лесостепи Среднерусской равнины, а в ... самой что ни есть просторной и беспредельной Степи, откуда периодически накатывается, идет " вражья сила ", и где былинный герой встречается со своим степным противником, являющимся таким же искателем приключений. Традиционно бой заканчивается победой, однако, сама победа не всегда означает гибель одного из богатырей, напротив, зачастую бой служит как бы средством " узнавания " в противнике отца, брата или сестры, нахождения и обретения жены или поводом для заключения побратимства. Нет сомнений, что это типично степные сюжеты, как и " симбиотические " отношения героя со своим конем, наделен-

ным как бы мышлением, как и все предметы степного полукочевого быта, которые дожили в былинах до нас на далеком русском Севере, где и степей собственно не видели и имеют смутное представление о них. Естественно, из степей же пришли и вошли в былинны имена противников русских богатырей, их побратимов — половецких ханов и представителей аристократических родов. Сейчас все это нам представляется как нечто само собой разумеющееся, мы свыклись с этим, и действительно, как можно представить северную народную русскую культуру без речитатива былины, без сказителей и сказительниц? Откуда же она — былина как жанр, как форма фольклора? Р.И. Музафаров во второй половине 60-х годов в докторской диссертации "Русско-тюркские фольклорные связи" на огромном материале показал, что не только народный былинный эпос, но и другие жанры русского устного народного творчества (сказки, пословицы, поговорки и др.) по сюжету, форме и содержанию соотносятся с тюркскими параллелями и аналогиями, и наиболее ранние из них восходят к XII—XIV векам.

Следует особо подчеркнуть, что русский былинный эпос и сюжетно, и структурно, и изобразительно нельзя сопоставить с европейским, в то же время его невозможно считать исключительно славянским, поскольку ни южные, ни западные славяне ничего подобного не знали и не имели. А реальные исследования показали, что историко-географический регион возникновения былин совпадает с зоной интенсивного и длительного контакта киева-черниговской Руси с Половецкой степью. Более того, и это достойно удивления, ни один эпос европейских народов, да и других оседлых народов Востока и Азии, описывающий только деяния

героев, их чувства и мысли, не знает такого скрупулезно-внимательного и восхищенно-любовного отношения к окружающей природе — солнцу, небу и облакам, к простору и ветру, к деревьям и травам, зверям и птицам, к быстротекущей воде и дождю, как русская былина. В этом отношении ее с определенным "поправочным коэффициентом" можно сопоставить только с тюркским (казахским, киргизским, крымскотатарским, ногайским, казанскотатарским и др.) эпосом, где мы в значительно большей степени находим все то же с тем только отличием, что в эпосе тюркских народов несравненно больше природы и, конечно, значительно меньше элементов, связанных с городом. Не может быть сомнения в том, что в XI—XIII веках половецкий эпос был не только известен на Руси, но и доступен широким слоям населения, чему в немалой степени способствовало не редкое в пограничной зоне и во многих русско-половецких семьях двуязычие. В этом опять-таки первое слово принадлежит летописям, в частности Ипатьевской, в которой есть пересказ "повести о траве емшан", повествующей о возвращении половцев во главе с известным ханом Атраком из Грузии в причерноморские степи.

Сопровождавшиеся аккомпанементом щипкового струнного инструмента или, что реже, ритмичными ударами бубна с металлическими кольцами в обод песни-речитативы, очень напоминающие заклинания, околдовывали слушателей, раскрывая перед их мысленным взором картину степных просторов, создавая удивительное ощущение слитности, неразрывности природы и былинного всадника, вызывали душевный порыв "удали богатырской", которая поддерживала дух русского народа в последующие исторические времена и в периоды военных лихолетий. Как тут

не вспомнить украинских кобзарей с бандурами и русских гуляров-песенников, исполнявших старинные или импровизированные на те или иные исторические события из жизни народа лирические или героические песни, или песни-плачи при большом стечении народа по случаю различных торжеств, празднеств или событий, вызвавших народное горе. Само слово "кобзарь" восходит к тюркскому "комыз-кобыз". Песни — и плачи — речитативы — неотъемлемый компонент широко известных среди тюркских народов эпических произведений половецко-кыпчацкого цикла: "Къозу Корпеш", "Эдиге", "Чора Батыр", "Баян слуу", "Къобланды Батыр" и др. Этот характерный эпический элемент очень умело использован композитором А. Рефатовым в первой крымскотатарской опере "Чора Батыр", в часто исполняемом и в наши дни речитативном сольном фрагменте "Ногъай бей-ты" с характерным музыкальным сопровождением, ритмически и с подъемом завершающим отдельные части речитатива. Без речитатива немислим песенный фольклор, не говоря об эпических произведениях казаков, киргизов, степных крымских татар, башкир. И даже в наши дни на народных гуляниях и торжествах можно наблюдать "айтысы", "джирав", "ярыш", в которых участвуют известные исполнители — "акъыны", "бахшыши", "йырджы", "джиравши" и "кедайн", "айтышши" в Казахстане, Киргизии, Татарстане и Башкирии.

Таким образом, все связанное с былинами было воспринято, усвоено и интерпретировано так, что в исконно русском их происхождении не возникало, да и не могло возникнуть, каких-либо сомнений вплоть до конца XIX века, когда Г.Н. Потанин, В.Ф. Миллер и др. на основе сопоставления восточного (тюркско-

го) и русского былинного эпоса показали не только полное тождество их сюжетов, но и поразительное совпадение характера живописания многих действий и природно-ландшафтных условий. Более категоричен был в своих суждениях В.В.Стасов, который отозвался о былинах как о стерилизованном варианте отображения мощного тюркского эпоса, особенно его героического раздела, от-мечая при этом, что ни один народ или народы Европы, Америки, Африки, и даже Центральной Азии не сумели создать подобного уникального памятника культуры, являющегося достоянием всего человечества.

В настоящее время связь между былинами и половецким эпосом как результат мощного воздействия культуры Степи на культуру Руси, стала очевидной и не является чем-то неестественным. И тем не менее и теперь, когда источники сюжетов былин и особенности былинного повествования известны, мало кто задумывается над тем — как, в каких условиях происходило заимствование, передача традиция степного эпоса от словцов к русским, от этноса к этносу. На самом деле, если оружие и доспехи можно захватить в бою при набегах, дорогую одежду, посуду и украшения можно взять в качестве добычи или купить, или, наконец, обменять на пленников или продукты натурального хозяйства, то эпическую и песенную культуру, связанные с душой народа фольклорные традиции можно перенять, усвоить и получить из уст в уста только при условии продолжительного, плодотворного, обоюдного сотрудничества двух народов — половцев и русских.

Прежде чем вновь обратиться к русско-половецким бракам, попытаемся историю одного такого брака восстановить, воссоз-

дать, исходя из описания событий в летописи и поэме "Слово о полку Игореве". Писанная история удивляет иногда в своих страстях, сохраняя для далеких потомков кажушиеся на первый взгляд малозначительные, несущественные факты, и при этом, оставляя в тени, предавая забвению судьбы народов и государств. Казалось бы, что общего между такими событиями весны 1185 года, связанные с выездом новгород-северского князя Игоря Святославовича в степь, и разгромом басками передовых частей войска Карла Великого в 778 году в ущелье Ронссельваль? Эти два события, пространственно и хронологически разъединенные, объединяет то, что они оказались благодатной почвой для поэтов, давшей им благодарные сюжеты для "Песни о Роланде" и "Слово о полку Игореве". Правда, в первой исторической действительность в конечном счете, оказалась, мягко выражаясь, напрочь искаженной. Что же касается древнерусской поэмы, вероятно, искажения, обусловленные законами жанра коснулись и ее, отразившись и на изложении событий в летописи, которые усердно подстраивались под поэзию. К чему подобное приводит и как это могло происходить с очевидностью можно проследить по судьбе созданной по образцу "Слова..." "Задонщины", по истории литературной редакции "Сказания о Мамаевом побоище", обраставшего после каждой редакции "новыми историческими подробностями", что было несомненно, результатом выполнения, как сказали бы сейчас, "специального заказа" в тот или иной период времени, что убедительно было показано С.К. Шамбинаго. Если принять во внимание значительный исторический период, то вряд ли найдется в мировой истории какое-либо иное произведение, которому было бы посвящено столь необозримое число исследо-

ваний и работ. О "Слове..." и его исторической основе даже в последние несколько десятилетий высказано множество аргументированных научных, а также "подкрепленных" предположениями и догадками эмоциональных версий. Одного мнения нет, и, естественно, быть не может в силу того, что любая версия, концепция несет в себе новое прочтение, новый взгляд и интерпретацию не только древнерусского письменного памятника, но так или иначе, и нашего прошлого, нашей истории. Об этом приходится говорить потому, что в течение многих десятилетий при интерпретации "Слова...", а значит и описываемых в нем событий 1185 года, исходили исключительно из рассмотренного выше тезиса "половецкой опасности", несущей "погибель земле русской". И, что удивительно, и это нам приходилось отмечать, исследователи и историки умышленно исключали из поля зрения дружественные связи князей и ханов, русской и половецкой аристократии, как бы забывали о "межнациональных браках" по современной терминологии. Более того, не принимали в расчет даже то, что тот же Игорь Святославович был по крови, (не исключено и по воспитанию) и по языку на три четверти половцем! Далее, не принимали во внимание, с одной стороны, тесную дружбу Игоря и Кончака, по свидетельству летописи крепнувшую с годами и завершившуюся женитьбой Владимира Игоревича на дочери Кончака, а с другой — ожесточенную усобицу и вражду Игоря с переяславльским Владимиром Глебовичем, которая возникла именно из-за дружбы Игоря и Кончака. Вот истоки той парадоксальной ситуации, когда одни считали Игоря воином-героем, выступившим "за землю Русскую", "за матушку Русь", другие же — объявляли его "предателем русских национальных интересов", "татем". Интересно, что ни те, ни другие не сделали даже попыток

проанализировать подобную ситуацию под углом простых человеческих отношений. Однако, так уж повелось и такое уж до боли знакомое это было время, когда, также как и в нашей сегодняшней жизни, говорили о "народе", "Руси", забывая при этом самого человека, собственно людей, их жизнь. Между прочим, подобные искусственные, противоречащие здравому смыслу построения и умозаключения, направленные на вепременное оправдание несуществующей "половецкой опасности", затемняла историческую панораму, что способствовало зарождению сомнений относительно подлинности древнерусского произведения. Можно уверенно говорить — умышленно или неосознанно авторы указанных концепций и заключений, вопреки комплексу исторических фактов, утверждали о национальной розни в древней Руси, а посредством этого тезиса — основную гуманную идею "Слова..." — страстный призыв к миру, провозглашенный древнерусским летописцем, подменяли идеей вражды и "крестового похода против язычников". Уместно еще раз напомнить — идею союза русских князей и прекращения междоусобиц неоднократно предлагали ... половцы!

Сегодня, когда в общем-то успешно идет процесс пересмотра различных исторических и политических концепций, оказавшихся мощнейшим тормозом в закономерном развитии науки, переживающей не лучшие дни, очередь за этнокультурными и межэтническими процессами в X—XIV веках, которые определили характер и своеобразие древнерусского государства в Евразийском пространстве. Актуальность и назревшая необходимость подобного пересмотра была поставлена Л.Н. Гумилевым и некоторыми добросовестными историками.

Перейдем к особенностям "похода" Игоря и его первой встречи с половцами, которые обычно не привлекали сколь-нибудь серьезного внимания исследователей. Существуют два диаметрально противоположных описания событий весны 1185 года: в рассказе, включенном в Ипатьевскую летопись и характеризующимся отчетливым влиянием "Слова...", сообщается о событиях наиболее подробно и благожелательно по отношению к новгород-северскому князю, тогда как в Лаврентьевской летописи, напротив, краткое изложение событий нельзя назвать иначе как памфлетом, ибо в нем выражено столько неприязни к черниговским князьям и злорадства, издевок по поводу их пленения половцами. И в соответствии с этим, вполне логично, только Лаврентьевская летопись преподносит встречу с половцами как попытку военного похода. В то же время, достаточно внимательный анализ начала Ипатьевской летописи заставляет, по мнению отдельных исследователей, такое заключение поставить под сомнение. И вот почему. Как неоднократно подчеркивал в своих работах по литературным памятникам Древней Руси Д.С. Лихачев, древнерусские авторы соблюдали своеобразный лексико-фразеологический "этикет", традиционные "клише" в зависимости от характера и мотивов того или иного действия. По автору Ипатьевской летописи, Игорь не "выступал", не "исполчился", не "вступал в стремя", как следовало бы написать в случае начала военного похода, а всего-навсего просто "поехал (поедеша)" из Новгорода вместе с братом, племянником в старшим сыном. Значит, и это очевидно, военный поход, военные действия не являлись целью и не входили в планы Игоря, причем двигались "не спеша", не предпринимая каких-либо мер предосторожности и вовсе не заботясь о том, что о поез-

дке могут проведать. Не менее удивителен и случай со "сторожами", разведкой, донесшей Игорю, что "ратницы наши ездят с доспехом", и следовательно, необходимо или поспешить — тогда, куда? — или возвернуться домой, ибо, как сказано, "не наше есть время". Как видим, архистранная ситуация и дилемма для собравшихся в военный набег, не правда ли? Без постоянно высылаемой в окрест "разведывательного соединения" не обходилось в средневековье ни одно путешествие ни на Западе, ни на Востоке независимо от того, ехали ли из одного замка или крепости в другой, отправлялись ли по торговым делам, и, конечно, не говоря уже о военных походах. Кто такие "наши ратницы", и почему подчеркнуто — они "ездят с доспехом"? Зная идеологию Б.А.Рыбакова, нет ничего удивительного в том, что он считает их, конечно, половцами ("наши противники"), которых увидели "сторожа" — разведчики. Еще вопрос — почему они "наши" и причем тут "доспехи", если половцы ездили и были в пути всегда вооруженными? А если попытаться перевести и истолковать это место летописи следующим образом: высланная разведка встретила дозорных новгород-северского, своего княжества, которые, конечно, были при оружии, в ожидании приближения или появления какого-то противника, что делало, очевидно, путь князя в степь опасным, если даже Игорь и хотел избежать каких-либо столкновений. Снова вопрос: если Игорь отправился в Половецкую степь не к врагам, а к друзьям, то тогда, — к кому же? Насколько свидетельствуют источники подобным другом был Кончак. В Ипатьевской летописи, начиная с 1174 г., имеются свидетельства усиливающейся дружбы русского князя и половецкого хана, старшего среди Шаруканидов. Они в 1180 г. участвуют в совместных

боевых действиях в составе войск Святослава Всеволодовича под началом Игоря по специальной просьбе половцев. Из-за Кончака, которого Игорь не дал ограбить Владимиру Глебовичу в 1183 г., развязалась жестокая кровавая усобица между новгород-северским и переяславльским князьями, охватившая к весне 1185 г. и остальные русские княжества. Известно, что Владимир Глебович подверг земли Игоря такому же жестокому разгрому, который в мае 1185 г. учинил половецкий хан Гзак " (восходит к тюрскому "кызык-кызык" — быстрый, быстро возбудимый, быстро реагирующий, необычный)".

Если так, то не об очередной ли опасности со стороны переяславльского князя, заслуженно получившего ответный удар Игоря, говорили разведчики-дозорные? А. Никитин не склонен так считать и вот почему: весной 1185 г. пограничные русские земли ожидали набега половцев, возможность которого, как всегда, была спровоцирована победоносным и жестоким военным походом Киевских князей годом раньше, когда Владимир Глебович взял очень большой "полов", который в Киеве ждал своей традиционно для того времени участи — выкупа или обмена. И вот Гзак, который сыграл трагическую роль в судьбе Игоря спустя буквально несколько дней после сообщения "сторожей", шел на "баскын", направлялся за, если можно сказать, "обменным фондом", "человеческим ресурсом" — людьми для обмена. И снова мы сталкиваемся с хрестоматийной ситуацией: княжеская "потеха" стоила большей крови для простых людей, расплачивавшихся не только свободой, разлукой с родиной и родичами, но и зачастую жизнью за нарушение столь необходимого мира с Половецкой степью. Видимо в те времена и зародились украинская и крымскотатар-

ская пословица: "Паны дерутся, а у холопов чубы трещат", "Бий — мырза мын бере, къралар — джан бере" — "Гопода "испускают" амбиции, а простолюдины — испускают дух". Теперь, конечно, ясно, почему, когда Игорь со спутниками оказались в плену, Гзак незамедлительно послал гонцов к князьям в Киев с предложением: или приходите к нам "по свою братию", или мы идем к вам в согласии с отмеченными выше традиционными для того периода "правилами игры". Эти события совершились несколькими днями позже, а тем временем в степь были посланы дозоры, и очень любопытен, если не примечателен ответ, которым надеется автор рассказа Игоря: мол, не столкнувшись с опасностью возвращаться — "срам пуще смерти", то есть вернуться можно будет только после неизбежного столкновения. Следовательно, опять видим, что бой, не военные действия составляли цель "похода", "выезда" Игоря в Степь. Кроме того, ни солнечные затмения, ни сопутствующие страшные знамения, столь красочно и поэтически мастерски изображенные в "Слове...", ни, наконец, реальная опасность встречи с врагом не смогли остановить Игоря со спутниками. Выходит причина поездки в Степь была настолько чрезвычайно важной, что указанные опасности, зловещие природные явления и приметы не были приняты во внимание, будто в XII веке люди были совсем не суеверными.

Но что интересно, это парадоксальное положение можно также необычно разрешить — если принять, что Игоря на самом деле ожидала "бескровная победа", победа без схваток и боя! Эта парадоксальность была подмечена еще О. Сулейменовым. Для того, чтобы разобраться, последуем за обстоятельным описанием Ипатьевской летописи. Итак, отряд русичей достиг в полдень

берега реки Сюурлии (от тюркского "суюрлю" — продолговатый, вытянутый; или "шерли" — стеной; сравни речку в Средней Азии — "Шёрли-сай; или суюрлю — стадный, скопом перемещенный). Построившись в боевые ряды, половцы поджидали их на другом берегу. Удивительно, что за ними, в непосредственной близости стояли и двигались их упоминавшиеся "дворцы на колесах", скрип колес которых разносился в ночной степи "как крик напуганных лебедей". Русские князья не успели подойти непосредственно к реке, как из рядов половцев выскочили лучники-стрелки и, пустив в "сторону русских" постреле, сразу же устремились в бегство, назад к своим. Интересно, именно в этом месте летописи упоминаются "полив", до этого говорилось о "дружине", что, конечно, далеко не одинаковые понятия. Более того, как пишет автор — "поскакали и половцы, стоявшие далеко от реки", то есть не ввязавшись, не приняв бой, а только, как бы, "отсалютовав" стрелами русским, половцы побежали, бросив на произвол судьбы "дома на колесах" и семьи, а русские, перейдя речку, кинулись к половецким вежам и бросились в погоню, но... боя, как видим, так и не произошло. Все это более чем странно, и вот почему. При изначальной подготовке к военным действиям и столкновениям, вежи находились или откочевывали от места схватки на значительное расстояние вглубь степи, где их внезапно не мог настичь или напасть противник. По всему видно, что половцы уверенно ожидали русский отряд во главе с Игорем, но в их планы вовсе не входило вступать в сражение с русскими. И, наконец, то, что они так театрально бросали своих незащищенных близких на милость "победителя", что возможно, когда нет и тени сомнения относительно их благополучия. Так внешне панически и напуганно поступают половцы — те самые половцы, заслужившие высокую

оценку разных народов своих моральных достоинств, те половцы, которые "уничтожили" не менее искусных в военном деле печенегов, неизменно сокрушали войска византийских императоров, нанесли сокрушительное поражение объединенному войску русских князей в 1068 г., спасли Грузию и Болгарское царство от порабощения, те самые половцы, наголову разбивавшие и обратившие в бегство агрессивных крестоносцев!

А раз так — то это никакой не бой, а только лишь, согласно современной терминологии, его инсценировка, имитация боя. И после этого начался большой и обильный пир, скажем, "победителей", описания которого в указанных источниках хорошо согласуются. Радостный, беспечный, хмельной пир продолжался всю ночь и это при том, что по логике князья должны были ожидать как обязательного возвращения в подобных случаях половцев, так и подхода с марша других соединений. И тем не менее русские были и оставались настолько уверенными в своей безопасности, что, как пишет летописец, "изумились", увидев себя окруженными на следующее утро.

Если бы странности и связанные с ними вопросы на этом и заканчивались. При такой ситуации русские князья имели большой и богатый "полон", которого, безусловно, хватило бы им для откупа и получения свободы, но как можно понять из контекста источников, и на это впервые указал О.Сулейменов, проблема вообще не возникала, будто у Игоря "со спутниками", не было что предложить Гзаку. И который раз — опять вопрос: а что "красные девки", дают ли они что-либо для прояснений? По сравнению с летописью, некоторые фрагменты "Слова..." оказываются более точными в соответствии с канонами древнерусской поэтики. Так,

при перечислении поэтом захваченных у реки Сюурлий трофеев, мы не видим, как это было бы в сухих летописных сводках, рабов, детей, стариков, то есть никого, кто в общем должен был находиться в вежах. По "Слову..." там исключительно "красные девки половецкие", молодые половчанки, которых "полонили" вместе с обозом с тканями, одеждой, украшениями, другой утварью и т.д. И вот тут, если вспомнить, что в концовке "Слова..." "красная девка" есть не что иное как синонимический эпитет дочери хана Кончака, то невозможно не заключить, что речь идет об обозе с приданным невесты, который сопровождают по традиции ее подружки из семей степных аристократов (по крымскотатарски "кыз-кыркин"). А ведь Кончаковна (Кончек кызы) в действительности вышла замуж за Владимира Игоревича.

Если все обстояло так, то описанный и во многом загадочный случай, инцидент на берегу реки Сюурлий является ни чем иным, как отображением картины вполне реальной и действительной степной свадьбы, начавшейся обрядовой "борьбой за невесту" с последующей скачкой в "погоне" за невестой и "похищением" ее с подружками из аристократических родов, ко-

торые также были невестами, с "захватом и грабежом" приданного, и завершением всеобщим "пиром победителей", на котором много пили и ели, пели и танцевали. По традиционным степным законам подобное пиршество после "похищения" невесты проходило без ее родителей и близких родственников по отцовской и

материнской линии, они появлялись лишь на следующий день, когда невеста становилась уже законной женой похитителя, с которого требовался "калым" (тюркское слово — "оставление", компенсация за то, что девушка остается в семье жениха) за бесчестие ("кызылык" — девичество), "скютлюк" (награда матери за вскормленную материнским молоком невесту). Стоит отметить, что как бы восстановленный логической увязкой фактов традиционный половецкий свадебный обряд, правда, с существенными изменениями за прошедшие века, сохранился в основных своих чертах до середины XIX века у казахов, киргизов, крымских татар и др. Так, в степной части Крыма неизменным элементом свадебного ритуала-обряда была "кызы куу" — погоня за девушкой. По наблюдениям Г.А. Бонч-Осмоловского в начале XX века в степной части Крыма третий день свадьбы был самым важным в обрядовом отношении, в этот день совершался переезд невесты в дом жениха. С утра невесту ведут в баню, моют ее и уничтожают волосы на теле мазью "зырнык". В это время в доме невесты собираются ее подруги, родственники, односельчане, идут сборы к предстоящему переезду: все разложенные и расставленные вещи, относящиеся к приданному ("джес"), снимают и укладывают в сундуки и узлы. Около полудня невесту одевают в ее лучшее шитое золотом платье. С плачем, падая в ноги, прощается она со своими родителями, просит у них благословения и прощения, те отвечают ей пожеланиями долгой и дружной жизни. Затем брат невесты или ее дядя одевают ей серебряный пояс (в Бахчисарайском районе пояс одевает отец). К полудню на арбах целой группой приезжают посланцы от жениха во главе со сватом — "эльчи", так как ни жениху, ни его родителям, ни даже близким родст-

венникам участвовать в перевозке невесты не полагается. До 70—80-х годов XIX века поезд снаряжался даже в том случае, если невеста и жених были из одного селения и причем весьма основательно, брали с собой все, что нужно в дальнюю дорогу: казаны-котлы для варки пищи, продукты, одеяла, оружие и т.п. В начале XX в. переезд совершался уже значительно проще, и зачастую пешком. Перед выездом ворота дома невесты оказываются закрытыми, молодые парни из рода невесты требуют выкуп, после долгих препирательств, взаимных угроз, иногда подкрепленных выстрелами (вспомним выпущенные лучниками стрелы), и, наконец уплаты выкупа деньгами, их впускают во двор. В дом входят одни женщины, вновь встречающие препятствие в виде закрытых подругами невесты дверей ее комнаты, открывающихся опять-таки после уплаты некоторой суммы. Наконец, после своеобразного примирения, подкрепленного основательным угощением, приступают к погрузке приданного на арбы и мажары. Когда все уложено и упаковано брат невесты или ее дядя, одевавшие ей пояс, выносят ее на руках, закутанную в чадры, на переднюю, покрытую со всех сторон коврами арбу. При переносе невесту обсыпают зерном, несмотря на то, что проход с обеих сторон огорожен от любопытствующих коврами или длинным пологом "перде", который тут же накидывают сверху на арбу. Еще в 70—80-х годах XIX столетия "перде" на длинных шестах везли впереди свадебного поезда. Вместе с невестой садятся ее родственницы, в основном девушки и молодцы, остальные размещаются на других повозках и весь поезд, сопровождаемый шумом, в гамом и, конечно, стрельбой, трогается в путь. В степи сопровождающие его верховые устраивают скачки и соревнования из-за служащих призами платков, которые победители отнимают друг у друга.

Шумно и торжественно подъезжает, наконец, поезд к дому жениха, невеста, несмотря на уговоры, долго отказывается выйти из повозки, ожидая, пока будущий свекор не подарит ей корову или овцу. У караногайцев требуют выкупа женщины, приехавшие с невестой. Брат вносит ее по проходу, образованному "перде", в дом прямо в спальню, где в огороженном "перде" углу она находится до прихода жениха. Прибывшие с нею девушки и женщины спешно распаковывают вещи и устраивают в комнате молодых "джес": стены сплошь занавешиваются специальными полотенцами для украшения ("сачма", "папи-марама" и др.) и полотенцами для утирания ("хыбрыз", "юзбез", "ягыбез" и т.д.); на некотором расстоянии друг от друга к ним прикрепляются разноцветными фестонами маленькие вышитые по углам платки — "чевре". На потолке радиально от центра ("кобек") протягиваются шнуры, на которых спускающейся бахромой развешиваются "явлук" и "марама" — вышитые по концам платки и чарды. Матрацы, одеяла и подушки складываются высокой стойкой в одном из углов комнаты и завешиваются "перде". Комната с "джис-джес" ("джес-эв") удивительно напоминает даже при первом взгляде внутреннее убранство кочевой юрты (вспомним платформу на колесах с юртой).

Итак, запирающие ворота перед выездом невесты, уплата выкупа, препирательства и угрозы, скачки, стрельба во время движения свадебного поезда как бы в дальнюю дорогу, и другие элементы обряда и обычая, несомненно, являющиеся пережитками широко распространенного не только у тюрков обряда похищения невесты, общеизвестны. Скажем, что у ногайцев Керченского полуострова и Ставрополя, девица, выходящая замуж, должна была

принести с собой и особую кибитку — "отауй", которая не разбирается при переноске и имеет шесть "сырыкъ" и прикрепленную к ней богато вышитую верхнюю покрывку "тюнгюлюк", к которой на тесьмах — "тюнгюлюк-бав" привешиваются кисти щек. "Отауй" переносят в дом жениха на руках при большом стечении народа, а при значительном расстоянии — на арбе (вспомним опять юрту на платформе). В любом случае во время церемонии молодая должна быть в ней. По понятиям степных крымских татар эта заветная кибитка, как и элементы приданного, должна быть изукрашена и убрана собственными руками невесты. При отсутствии "отауй" невесту перевозят в дом жениха в расписанной крытой арбе. У туркмен и киргизов были особые "белые кибитки" — "агуй", в которых проводят первое время. Эти этнографические данные позволяют видеть в "джинс — "эве, "отауйе" — свадебное жилище, приносимое в качестве обязательного и главного элемента приданного.

После краткого этнографического экскурса вернемся к князю Игорю. На следующий день на место пира первым пришел не хан Кончак, теперь уже тесть Владимира Игоревича, а Гзак, специально шедший за "полоном". Как видим, предостережения "сторожей" имели основания — Кончак пришел тогда, когда неудачливые и сваты, и новобрачные и все их сопровождение были уже в плену. Хан Гзак захватил и калым, который Игорь вез Кончаку и его семье, и то загадочное, легендарное "русское золото", за утрату которого к недоумению многих исследователей, как сообщает автор "Слова...", "каяли" (сравня: каяться, хаять, охаявать, неприкаянный), то есть упрекали князя Игоря. Ну, конечно, от-куда и как могло быть у Игоря, "русское золото", если он

намеривался осуществить набег и "пойдеша" в степь с этой целью? Все объясняется, как видим, очень просто. Гзак до прихода хана Кончака успел сообщить в Киев о случившемся и предложил обмен пленных. Есть основания предполагать, что Гзак, не желая вконец испортить отношения с Кончаком и донскими половцами, к которым сам принадлежал, не навлечь с их стороны больших неприятностей, — освободил только молодоженов. Допустимо, что половецкий хан взял реванш, отомстил за содеянное старшим братом Игоря — Олегом Святославовичем, когда он в 1168 г. захватил вежи Гзака, пленив всех его домочадцев. Возможно, что отношения Гзака и Кончака не были дружественными, о чем может свидетельствовать его набег на земли новоиспеченного зятя Кончака в Полесье и устроенный там грабеж после того, как он отдал Игоря на поруки.

Отметим еще дополнительные факты, которые также подкрепляют возможность причин и последствий описанной картины. Как известно, сватовство в средневековье, да и в последующие периоды, не исключая эту процедуру даже среди хорошо знакомых, друзей и близких людей, было делом очень продолжительным по сравнению с нашими днями. Если исходить из примеров, сохранившихся в летописях, сватовство растягивалось на несколько лет, при этом, "невестами" были девочки по 8-10 лет, и не удивительно, что они играли в детские игры, куклы и подрастали до соответствующего возраста в домах своих нареченных мужей. Кстати, и на Востоке тоже сватали еще в совсем детском возрасте. Около восьми лет было Верхуславе, дочери суздальского князя Всеволода Юрьевича, когда ее в 1187 г. венчали с сыном Рюрика Ростиславича, которому в это время было без малого 15 лет, и

столько же было Владимиру Игоревичу в 1185 г. Иными словами, по традиционным представлениям того времени, юноша-подросток был в "возрасте зрелости", когда он обретал полную самостоятельность. Не исключено, что приблизительно столько же лет было и дочери хана Кончака. Об этом свидетельствует тот факт, что из Русь они возвратились летом 1187 г. с первенцем, которому было не менее одного года. Надо думать, что брачный "переговорный процесс" начался значительно раньше поездки. Более того, летопись позволяет говорить о ведущем переговоры человеке, организовавшем поездку и "сопровождавшем" Игоря и жениха, и который незадолго до этого был "в половецях" с каким-то поручением, возможно, договаривался о месте и времени встречи. То, что женитьба Владимира Игоревича была вопросом уже решенным, следует из факта выезда молоденького княженика к отцу из Путивля полученного незадолго им в удел, то есть выехал уже князем. Это по традиции неизменно совершилось до свадьбы, которая, в конечном счете, завершила "выход" из семьи, свидетельствуя о его независимости и самостоятельности.

Если все так, то каким образом, в силу каких причин возник устоявшийся, ставший "абсолютом" взгляд на события? В одной из работ Л.П. Жуковская отмечает, что у А.И. Мусина-Пушкина оказалась копия "Слова.." со списка второй половины XV века. С 1185 г. по это время текст поэмы многократно переписывался, причем если исходить из орфографии, то можно, во всяком случае, утверждать о трех серьезнейших редакционных правках. Однако при этом затруднительно сказать что-либо относительно изменения содержания. Принимая во внимание ряд перестановок, и более того, некоторые прямые дополнения текста, которые пред-

лагает Б.А. Рыбаков, можно с достаточной уверенностью говорить о фрагментарности и мозаичности содержания. В настоящее время есть все основания принять, что серьезнейшие изменения "Слово..." претерпело вскоре после Куликовской битвы, как своеобразная реакция-ответ на нее. Действительно, для XII века событие пленения русских князей половцами было не столь примечательным, скажем даже обычным фактом по сравнению со счастливым исходом. Но после 1380 года как отмечает А. Никитин, подобное было уже трудно себе представить. "Задонщина" — не подражание "Слову..", а прямой ответ на него, ибо войско хана Мамай составляли исключительно половцы-кыпчаки, и, естественно, антипо-ловецкий настрой характерен не столько для XII сколько для XIV века. Следовательно, если "Задонщина" была ответом на "Слово...", то переработанному, деформированному "Слову..." надлежало быть призывом к отмщению за поражение, при этом цель оправдывала даже умышленное смешение "Каяла" с "Калкой". Таким образом, после Куликовой битвы "Слово..." словно заново написано с новым звучанием. Не о всеобщем мире, а об отмщении за полуторавековое татаро-половецкое иго призывало князей на Дон: "Дон ти, княже, кличет, зовет князей на победу". Принципиальным является то, что даже после подобной деформирующей изначальное "Слово..." редакции в поэме сохранился оригинал концовки, в которой прославляется Владимир Игоревич, что, собственно, и было основным итогом поэмы, естественным и логическим окончанием событий 1185 года, когда настоящим героем был не воин с воинствующим духом, а молодой князь, своим браком символически скрепивший Древнюю Русь и Великую Полосецкую Степь. Нет сомнений, что

подобный страстный призыв к "мирному сосуществованию" и дружбе двух народов был актом истинного патриотизма и, более того, большого героизма, если представить себе условия кровавой феодально-княжеской междоусобицы, религиозной и национальной розни, которую стремились политическими, религиозными и военными методами инспирировать и разжигать на Руси император Византии, константинопольская православная церковь и, конечно, различные провизантийские и проевропейские группировки, для которых половцы были врагами и "погаными".

В заключении отметим, что брак Владимира Игоревича на Кончаковне стал своеобразным "камнем предткновения" для огромного числа исследователей "Слова...", поскольку они в нерешительности останавливались перед объяснением событий в силу очередного идеологического процесса официальной концепции. И вот почему самому факту женитьбы всячески пытались не придавать значения, старались игнорировать, относя его к разряду второстепенных. Конечно, при этом нельзя было не принимать во внимание образный и красочный язык "Слова..." со многими тюркскими словами, где были "сваты", живо описывались картины "пира", доносились фрагменты свадебных "словословий", и главное метафорическая образность в деталях соответствовала элементам свадебной обрядности. Казалось бы все настолько очевидно..., но всему мешало длительное и упорное культивирование мнения, что "Слово о полку Игореве" относится к жанру дружинной, воинской поэзии. В силу этого свадебная, и связанные с нею другие стороны обрядности были трансформированы к воинским метафорам, а именно — битвы — "пиры", противники, враги — "сваты" и т.д. И только около десяти лет назад в заметке аме-

риканского исследователя Р. Манна, опубликованной в издаваемых под редакцией Д.С. Лихачева "Трудах Отдела древнерусской литературы" был поставлен серьезный вопрос: а случайна ли, только ли поэтические приемы вся система свадебной обрядности в "Слове...". Очевидно, что случайность тут ни при чем. Возможно, в будущем появятся работы, в которых наше описание будет дополненным, и новая версия охватит еще большее количество фактов в единой, цельной картине. Конечно, для того, чтобы подойти к истине нужны новые представления, и только в этом случае возможны и продвижение в направлении углубления наших знаний, и возрождение нормального сознания. А для этого, безусловно, нужно объективное, доброжелательное и непредвзятое, без какой-либо идеологической и национальной установки и подхода обсуждение нашей истории в далеком и недавнем прошлом.

Да, как образно сказано — народы в истории веков меняются подобно людям за их короткую жизнь. Исследования археологических памятников, древних текстов извлекают из глубины веков наше прошлое, которое оказывается столь удивительным, столь необычным, словно мы столкнулись с историей и жизнью совсем другого, неизвестного народа. В непосредственном соседстве с Древней Русью, Кавказом, рядом с границами Византийской империи, в общении с народами Балкан и Подунавья зримо возникает образ этого другого народа, не успевшего в силу различных военно-политических причин пройти заслуженный исторический путь, на котором он щедро рассеял своих прекрасных детей — по странам, включая и Крым, где половцы-команы-кыпчаки сыграли особую значимую роль в этногенезе и формиро-

вании языка, материальной и духовной культуры крымских татар и ряда других современных тюркских народов.

ЛИТЕРАТУРА

Авдеев Б.И. История древнего Востока.— М.: Наука, 1969.

Археология СССР. Степи Евразии в эпоху Средневековья.— М. Наука, 1981.

Броневский Мартин. Описание Крыма // ЗООИД, т. 6.— Одесса, 1867.

Бонч-Осмоловский Г.А. Брачные обряды крымских татар // Известия ГРГО, т. 58, вып. 1, 1926. (Ватан (Родина) вып. 4-5,— Симферополь, 1992.))

Брун Ф. Черноморские готы и следы долгого их пребывания в Южной России // Зап. имп. Академии наук, 1874, т. 24.

Бартоль В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период // Зап. Вост. отд. Русского арх. общ., т. 8, 1893-1894 гг. Кыпчаки // Бартольд В.В. Соч. т. 5. М.: 1968; Новый труд о половцах // Соч. т. 5. — М.: 1968 с. ЧП.

Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства (вторая половина XV века). — М.: изд. МГУ, 1952 г.

Баскаков М.А. Тюрские языки. М.: Наука, 1960; Модели тюркских этнонимов и их тюркологическая классификация // Ономастика Востока, М.: Наука, 1980; Русские фамилии тюрского происхождения. М.: Наука, 1979.

Бадян В.В., Чиперис А.М. Торговля Каффы в XIII-XV вв. // Феодальная Таврика, — Киев, 1974.

Босфорт К.Э. Нашествия варваров: появление тюрков в Мусульманском мире // Мусульманский мир, — М.: 1981, С. 33.

Барбаро И., Кантарини А. О России. — Л.: Наука, 1971

Березин И. Первое нашествие монголов на Россию // ЖМНП, 1853. 79, №9, С. 220.

Вельяминов - Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. ч. 1, 1863 с.

Введение христианства на Русь. (Сб.), С. 210-230.

Возгрян В.Е. Исторические судьбы крымских татар. — М.: Мысль, 1992. Империя и Крым — долгий путь к геноциду. — Бахчисарай, 1994.

Голубовский П.В. Печенеги, тюрки и половцы до нашествия татар. — Киев, 1884.

Грушевский М.С. Киевская Русь. СПб, 1911.

Гордлевский В.А. Что такое "босый волк?" // Изб. соч., т. 2, — М.: 1961. С. 487-490.

Грунин Т.И. Документы на половецком языке, XVI в. М.: 1967.

Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М.: Наука, 1970; Древняя Русь и Великая Степь. — М.: Мысль, 1989; Хунну; Хунну в Китае; Древние тюрки.

Герцен А.Г. К вопросу об этнической истории средневекового Мангупа // Тезисы материалов научной конференции, вып.1, 1991.

Григорьев А.П. Официальный язык Золотой Орды XIII—XIV вв // Тюркологический сборник 1977. — М.: 1981. С. 81-85.

Герасимов Т.М., Рудь М.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения в Восточной Европе. — М.: Наука, 1987.

Дашкевич Я.Р. Кодекс Куманикус — вопросы возникновения // Вопросы языкознания 1985. N 4.

Дашкевич Я.Р., Трыарский Э. Каменные бабы причерноморских степей. Коллекция из Аскании — Нова. Вроцлов — Варшава — Краков — Гданьск — Лодзь, 1982.

Жуковская Л.П. О редакциях, издании 1800 г. и датировка списка " Слово о полку Игореве " // " Слово... " и его время,— М.: 1985.

Изидинова С.Р. Фонетические и морфологические особенности крымскотатарского языка // Вопросы восточного языковедения.— М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1981.

Ибн-аль-Асир Тарих-аль-Камиль (Полный свод истории), Баку, Фан, 1940.

Ключевский В.О. Курс русской истории, соч. в 9 т., т. 1, М.: 1987.

Карамзин Н.М. История государства Российского, СПб 1892 т. 1, С. 46.

Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. СПб, 1903.

Карпиня П., Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. СПб, 1911, С. 90, 164.

Камаджили С. Из глубины тысячелетий // Кырым N 26-28,— Симферополь, 1995.

Крым. Путеводитель. Под ред. Бумбера К.Ю., Вагина Л.С., Клепинина Н.Н., Соколова В.В., ч. 1, Очерки Крыма.— Симферополь, 1914.

Крымский А.Ю. Тюрки, їх мовя та літератури. Твори т. 4.— Киев, 1974.

Каргалов В.В. Конец ордынского ига.— М.: Наука, 1980: Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси.

Куртиев Р.И., Когонашвили К.К. Этнический термин " татар " и этнос-крымские татары // Сквозь века. Народы Крыма. 1995. вып. 1.— Симферополь.

Лященко П.И. История русского народного хозяйства.— М.-Л 1927.

Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. ч.3, СПб, 1832.

Мемуары, относящиеся к истории южной Руси. 1890, вып. 1.

Маркевич А.И. Географическая номенклатура Крыма как исторический материал // Изв. Таврич. об-ва, истор. арх. и этнограф., 1928, т.2.

Мусаев К.М. Лексика тюрских памятников в сравнительном освещении (западно-кыпчакская группа).— М.: 1975.

Московский комсомолец, 1995, N 81, 29 апреля.

Меметов А. Крымские татары.— Симферополь; "Анаюрт", 1993.

Новосельский А.П. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке.— М.: Изд. АН СССР, 1948.

Наджиб Э.Н. Исследования по истории тюркских языков XI—XIV вв.— М.: Наука, 1989.

Никитин А. " Лебеди " Великой степи // Наука и религия, 1988, вып. 9, 10, 12.

Описание перикопских и ногайских татар Жака де Люка, монаха доминиканского ордена // ЗООИД —Одесса 1879, т. 22, С. 473-493.

Полное собрание российских летописей. т. XV. Стб. 366; т. I. Стб. 469-470; т. II. Стб. 781; т. IV с. 51, 178; т. X. с. 115; т. XV. Стб. 374.

Пресняков А.Е. Лекции по Русской истории, т. I,— М.: 1938; т. II, М.: 1939.

Пархоменко В. Следы половецкого эпоса в летописях // Проблемы источниковедения. Сб. 3,— М.-Л. 1940, С. 39-49.

Плетнева С.А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв.— М.: Наука, 1975. С. 270-277.

Печенеги, тюрки и половцы в южно-русских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Изд. АН СССР, 1958, N 62; Половцы.— М.: Наука, 1990.

Перестройка и вопросы исторической науки // Вопросы истории, 1988, N 3.

Прицак О.И. Тюрко - Славянское двуязычное граффити XI столетия из собора Св. Софии в Киеве // Вопросы языкознания, 1988, N 2.

Поляк А.Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго - Восточной и Центральной Европы. т. 1,— М.: 1964.

Рожков Н.А. Русская история в сравнительно - историческом освещении (основы социальной динамики) т. 1, —М.: 1905, С. 152-154.

Расовский Д. А. Половцы. Семинариум Кондаковнанум. т. XI.— Прага, 1939. С. 15-98.

Рыбаков Б.А. " Слово о полку Игореве " и его современники.— М.: 1971, С. 8-10. Перепутанные страницы // " Слово ..." и его время,— М.: 1985. Историческая канва " Слова ..." //" Наука и Жизнь", 1986, N 10.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. т. I, кн. 2, 1952.

Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Плано Кап-рини Дж. дель. История монголов.— М.: 1957.

Соловьев С. М. История России.— М.: 1960, к. I, т. II, С. 647-651.

Секяринский С.А. Очерки истории Сурожа XI—XV вв.— Симферополь, Крымиздат, 1955.

Сулейменов О. Аз и Я. Алма - Ата.

Старокадомская М.К. Солхат и Каффа в XIII—XV вв. //— Феодальная Таврика, Киев, 1984.

Синаксир ЗООИД, —Одесса 1857, т. V, С. 601-602.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. т. I, СПб 1884; т. II Извлечения из персидских сочинений.— М.-Л., 1941, С. 22-30.

Татищев В.Н. История Российская, Кн. I, С. 271-273.

Толочко П.П. Киевская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв.— М.: Наука, 1975.

Устрялов Н.Г. Русская история . Спб, 1837, ч. 1, С. 143.

Федоров—Давыдов Г.А. Курганы, идолы, монеты. М.: 1968, С. 91; Кочевники восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Наука, 1966, С. 206. Монгольские завоевания и Золотая Орда // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья.— М.: 1981.

Хабичев М.А. Именные словообразования и формообразование куманских языков. —М.: Наука, 1989.

Штильбергер Иоганн. Путешествия по Европе, Азии, Африке с 1394 по 1427 год. —Баку: Элм, 1984.

Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа (Историко-этнографическое исследование на материалах кыпчакского компонента),— Ташкент, 1974.

Якубовский А.Ю. Феодальное общество Средней Азии и ее торговля с Восточной Европой в X—XV вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской СССР, вып. 3, ч. 1, Л.: 1932.

Сдано в набор 13.11.95. Подписано в печать 11.12.95
Печать офсетная. Формат 60x84 1/16
Усл. печ. л. 7,75, уч.-изд. л. 7,24
Тираж 1000 экз. Заказ 43. Цена договорная

Отпечатано СО "ЭКОСИ-Гидрофизика"
335000 Севастополь, ул. Ленина, 28

